

Джордж Оруэлл

XX
век
The BEST

Скотный Двор

[роман]

Annotation

Притча, полная юмора и сарказма. Может ли скромная ферма стать символом тоталитарного общества? Конечно, да. Но... каким увидят это общество его «граждане» – животные, обреченные на бойню?

- [Джордж Оруэлл](#)

-

- [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
-

Джордж Оруэлл

Скотный Двор

George Orwell
ANIMAL FARM

Печатается с разрешения The Estate of the late Sonia Brownell Orwell и литературных агентств AM Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

© George Orwell, 1949

© Перевод. Л.Г. Беспалова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru), 2014

Глава I

Мистер Джонс, хозяин Господского Двора, запер на ночь курятник, но про лазы для молодняка спьяну забыл. Фонарь в его руке ходил ходуном, круг света метался из стороны в сторону, когда он, выписывая вензеля, прошел к черному ходу, скинул сапоги, нацедил в кладовке свою последнюю в этот день кружку пива из бочки и залез в кровать, где уже задавала храпака миссис Джонс.

Едва в спальне погас свет, во всех службах послышались шорох и шуршание. Днем прошел слух, что старику Главарю, призовому хряку средней белой породы, прошлой ночью приснился удивительный сон и он хочет рассказать о нем животным. Договорились, как только мистер Джонс уберется восвояси, собратся в большом амбаре. Старика Главаря (его всегда называли так, хотя выставлялся он под кличкой Краса Уиллингдона) на ферме почитали, и все охотно согласились недоспать час, лишь бы послушать его.

В глубине амбара на чем-то вроде помоста под свисающим с матицы фонарем раскинулся на охапке соломы Главарь. Ему стукнуло двенадцать, и хотя за последние годы он огрузнел, но был по-прежнему величав, мудрого и благожелательного облика этой свиньи не портили даже неподпиленные клыки. Вскоре начали стекаться другие животные, они долго возились, стараясь расположиться – каждое на свой лад – поудобнее.

Первыми прибежали три собаки: Ромашка, Роза и Кусай, за ними притрусили свиньи – эти разлеглись перед помостом на соломе. Куры взгромоздились на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы поместились позади свиней и принялись за свою жвачку. Боец и Кашка, пара ломовых лошадей, пришли вместе, они неторопливо пробирались к помосту, долго искали, куда бы ступить, чтобы невзначай не раздавить копытом с косматой щеткой снующую в соломе мелюзгу. Кашка была дебелая сердобольная кобыла не первой молодости, сильно отяжелевшая после четвертого жеребенка. Боец, могутный коняга чуть не двухметрового роста, силой превосходил двух обычных коней, вместе взятых. Из-за белой отметины на храпу он казался глуловатым, да и впрямь умом не блистал, но его почитали за

стойкость и неслыханное трудолюбие. Вслед за лошадьми прискакали белая коза Мона и ослик Вениамин. Вениамин был старше всех на ферме годами и хуже всех нравом. Он больше помалкивал и молчание нарушал, только чтобы отпустить какое-нибудь циничное замечание – к примеру, заявлял, что Господь Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он лично обошелся бы без хвоста и без мух. Он один из всей скотины на ферме никогда не смеялся. И если у него допытывались почему, отрезал: не вижу, мол, повода. При всем при том он был предан Бойцу, хотя никак этого не выказывал, и по воскресеньям они обычно паслись бок о бок в загончике за садом, щипали траву, но разговаривать не разговаривали.

Едва лошади улеглись, как в сарай гуськом прошеествовал выводок отбившихся от матери-утки утят, они слабо попискивали и шныряли из стороны в сторону, выискивая местечко, где бы на них не наступили. Кашка огородила их передней ногой, они отлично устроились за ней и тут же заснули. В последнюю минуту, жеманно семена и хрупая куском сахара, явилась серая кобылка Молли, хорошенькая дурочка, возившая дрожки мистера Джонса. Она расположилась поближе к помосту и тут же принялась потряхивать гривой – ей не терпелось похвастаться вплетенными в нее красными лентами. Последней пришла кошка, огляделась по сторонам, привычно выбирая местечко потеплее, в конце концов втиснулась между Бойцом и Кашкой и блаженно замурлыкала – речь Главаря от начала до конца она пропустила мимо ушей.

Теперь в амбар сошлись все, за исключением ручного ворона Моисея – он дремал на шестке у черного хода. Когда Главарь убедился, что животные удобно поместились и настроились слушать, он откашлялся и начал свою речь:

– Товарищи! Как вам известно, минувшей ночью мне приснился удивительный сон. Но я перейду к нему попозже. Сначала я хочу с вами поговорить о совсем других вещах. Я думаю, товарищи, что вскоре я вас покину, поэтому считаю своим долгом перед смертью поделиться с вами накопленной мудростью. Я прожил долгую жизнь, пока лежал один в своем закуте, многое успел обдумать и, по-моему, с полным правом могу сказать, что понимаю, как устроена жизнь на земле, не хуже любого другого животного из ныне здравствующих. Вот об этом-то я и хочу с вами поговорить.

Так вот, товарищи, как устроена наша жизнь? Давайте смотреть правде в глаза. Нищета, непосильный труд, безвременная смерть – вот наш удел. Мы появляемся на свет, мы получаем ровно столько корма, чтобы не умереть с голода, а рабочий скот еще и изнуряют работой, пока не выжмут из него все соки, когда же мы больше ни на что не годны, нас убивают с чудовищной жестокостью. Нет такого животного в Англии, которое не распростилось бы с досугом и радостью жизни, едва ему стукнет год. Нет такого животного в Англии, которое не было бы закабалено. Нищета и рабство – вот что такое жизнь животных, и от этого нам никуда не уйти.

Но разве таков закон природы? Но разве страна наша так бедна, что не может прокормить тех, кто в ней живет? Нет, товарищи, нет, нет и еще раз нет. Земля Англии обильна, климат ее благодатен, и, кроме нас, она способна прокормить досыта еще многих и многих. Одна наша ферма могла бы содержать дюжину лошадей, два десятка коров, сотни овец, и все они жили бы привольно и достойно, так, как нам и не снилось. Почему же тогда мы влачим это жалкое существование? Да потому, что плоды нашего труда присваивают люди. Вот в чем причина всех наших бед. Если определить ее коротко – она в человеке. Человек – вот кто наш истинный враг. Если мы уберем человека, мы навеки покончим с голодом и непосильным трудом, ибо человек – их причина.

Из всех живых существ один человек потребляет, но ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, его нельзя запрячь в плуг, потому что он слишком слаб, ему не поймать кролика, потому что он не умеет быстро бегать. Все так, и тем не менее он властвует над нами. Он заставляет нас работать на себя, забирает плоды наших трудов, нас же самих кормит впроголодь. Нашим трудом обрабатывается земля, нашим навозом она удобряется, а что у нас есть? Ничего, кроме своей шкуры. Вот вы, коровы, сколько литров молока вы дали за последний год? И куда пошло это молоко, которым вы могли бы напоить крепких телят? Его все, до последней капли, выпили наши враги. Вот вы, куры, сколько яиц вы снесли за этот год и из скольких яиц вылупились цыплята? Куда же пошли остальные? Их продали на рынке Джонс и его работники, чтобы выручить деньги для себя. Вот ты, Кашка, где твои жеребята, четверо жеребят, твоя надежда и опора в старости? Их продали одного за другим, едва им стукнул год, и ты никогда больше их не увидишь. Тяжело они тебе достались, тяжело ты работала в поле,

и что же ты получила взамен – скудный паек, место в деннике и больше ничего!

Но даже это жалкое существование обрывают до времени. Мне грех жаловаться, мне повезло. Мне пошел тринадцатый год, четыреста поросят родились от меня. Так природа определила жить хряку. Но нет такого животного, которого в конце жизни не настиг бы беспощадный нож. Вот вы, подсвинки, не пройдет и года, и вы все до одного, отчаянно вереща, проститесь с жизнью на колоде. Всех вас – коров, свиней, кур, овец, всех-всех ждет этот страшный конец. Даже лошадей, даже собак и тех он не минует. Вот ты, Боец, в тот самый день, когда и тебя, такого могучего, покинут силы, Джонс сбудет тебя живодеру, и тот перережет тебе горло и пустит на корм гончим. Собакам же, когда состарятся и обеззубеют, Джонс привяжет кирпич на шею и утопит в ближайшем пруду.

Неужели вам еще не ясно, товарищи, что причина наших бед – гнет людей? Если скинуть человека, никто не будет присваивать плоды нашего труда. На завтра же мы освободимся от нищеты и бесправия. Итак, что делать? Работать день и ночь, не щадя сил, и свергнуть людское иго! Восстание, товарищи! – вот вам мой завет. Я не знаю, когда разразится восстание, – через неделю или через сто лет, но уверен, точно так же как уверен в том, что стою на соломе, рано или поздно справедливость восторжествует. Всю свою, хоть и недолгую, жизнь положите, чтобы приблизить ее! А главное – донесите мой завет до тех, кто придет вам на смену, и пусть грядущие поколения доведут борьбу до победного конца.

И главное, товарищи, будьте стойкими. Не дайте увлечь себя с пути борьбы никакими доводами. Не слушайте, если вам будут говорить, что у человека и скотины общие цели, что их процветание неразрывно связано. Все это вражеские происки. Человек преследует свои, и только свои интересы. И да будет наше единство в борьбе, наше товарищество нерушимо! Все люди – враги. Все животные – товарищи.

Тут поднялась страшная кутерьма. Четыре здоровенные крысы – речь Главаря выманила их из нор, – усевшись на задние лапки, внимали ему. Но дослушать речь до конца им не удалось – они попались на глаза собакам, и, не юркнув в норки, не сносить бы им головы. Главарь поднял ножку, призывая к молчанию.

– Товарищи, – сказал он, – есть один пункт, который следует уточнить. Дикие твари: крысы или, скажем, кролики, – друзья они нам или враги? Давайте проголосуем: кто за то, что крысы друзья?

Тут же состоялось голосование, подавляющим большинством голосов постановили считать крыс товарищами. Против голосовало всего четверо: три собаки и кошка, правда, потом обнаружилось, что она голосовала и «за», и «против». А Главарь продолжал:

– Моя речь близится к концу. Хочу только повторить: никогда не забывайте, что ваш долг – бороться с человеком и всем, что от него исходит. Всякий, у кого две ноги, – враг. Всякий, у кого четыре ноги, равно как и тот, у кого крылья, – друг. Помните также: в борьбе против человека не уподобляйтесь ему. Даже победив его, не перенимайте его пороков. Не живите в домах, не спите на кроватях, не носите одежды, не пейте спиртного, не курите, не занимайтесь торговлей, не берите в руки денег. Все людские обычаи пагубны. А главное – ни одно животное не должно угнетать другого. Слабые и сильные, хитроумные и недалекие, – все мы братья. Ни одно животное не должно убивать другого. Все животные равны.

А теперь, товарищи, я расскажу вам о том, что за сон приснился мне прошлой ночью. Описать его вам я не берусь. Мне снилось, какой станет наша земля, когда человек исчезнет с ее лица. Сон этот воскресил в моей памяти одно воспоминание. Давным-давно, когда я был еще поросенком, моя мать вместе с другими свиньями пела одну старинную песню: помнили они из нее лишь мотив и первые три слова. В детстве я знал этот мотив, но он уже давно выветрился из моей памяти. А прошлой ночью во сне я его вспомнил, мало того, я вспомнил и слова этой песни, слова, которые, я уверен, пела скотина в незапамятные времена, но потом они были забыты, и вот уже несколько поколений их не знают. А сейчас, товарищи, я спою вам эту песню. Я стар, голос у меня сиплый, но я хочу обучить вас ей, а уж вы будете петь ее как следует. Называется она «Твари Англии».

Старый Главарь откашлялся и запел. Голос у него и верно был сиплый, но пел он неплохо. И мотив, помесь «Клементины» и «Кукарачи», брал за сердце. Вот эта песня:

Твари Англии и твари
Всех земель, какие есть,

О земном грядущем рае
Принимайте, твари, весть!

Твари, будете счастливы,
Будет свергнут человек,
Будут все луга и нивы
Тварям отданы навек.

Мы кольцо из носа вынем —
Наша все-таки взяла!
Кнут ломаем, упряжь скинем,
Заржавеют удила!

Может, ждать придется долго,
Но пшеница и ячмень,
Сено, и бобы, и свекла —
Будут наши в этот день!

Станут чище наши воды,
Станет ярче всходов цвет,
Слаще воздуха свободы
Ничего для твари нет.

До свободы путь-дорога
Далека – не все дойдут;
Гуси, лошади, коровы,
Отдадим свободе труд.

Твари Англии и твари
Всех земель, какие есть,
О земном грядущем рае
Принимайте, твари, весть! {Здесь и далее по тексту
«Скотного Двора» перевод стихов В. Корнилова. – *Здесь и
далее – примеч. пер. (кроме отмеченных особо).*}

Животные пришли в неистовое возбуждение – так потрясла их эта песня. Не успел Главарь допеть песню до конца, как они тут же подхватили ее. Даже самые тупые усвоили мотив и отдельные слова, но самые из них умные, то есть свиньи и собаки, через несколько минут знали песню наизусть от первого до последнего слова. И, прорепетировав раз-другой, вся ферма как один дружно грянула «Твари Англии». Каждый пел на свой лад: коровы мычали, собаки лаяли, овцы блеяли, лошади ржали, утки крякали. Песня так легла животным на сердце, что они пропели ее пять раз кряду и, наверное, пели бы всю ночь напролет, если бы их не прервали.

На беду, шум разбудил мистера Джонса – он вскочил с постели, решив, что во двор прокралась лисица. Схватил ружье, которое держал на всякий случай в углу, и выстрелил дробью в воздух. Дробины врезались в стену амбара, и собрание мигом расточилось. Все разбежались по своим местам. Куры взобрались на насесты, животные улеглись на солому, и вскоре вся ферма погрузилась в крепкий сон.

Глава II

А через три дня старый Главарь мирно отошел во сне. Его похоронили в дальнем конце сада.

Он умер в начале марта. В следующие три месяца животные вовсю развернули подпольную работу. У тех, кто поумнее, речь Главаря произвела полный переворот во взглядах. Они не знали, когда сбудется предсказание Главаря, не надеялись, что восстание совершится при их жизни, но твердо знали: их долг — подготовить его. Задачу обучить и организовать животных возложили, конечно же, на свиней. Среди животных они слыли самыми умными. Среди них резко выделялись два молодых хряка Обвал и Наполеон, которых мистер Джонс откармливал на продажу. Наполеон, крупный, свирепого вида беркширский хряк, единственный на ферме беркшир, был немногословен, зато отличался невероятным упорством в достижении цели. Обвал был более живого нрава и куда более речистый и находчивый, но, по общему мнению, уступал Наполеону в силе характера. Кроме них, хряков на ферме не держали, одних подсвинков. Из них самым приметным был жирный подсвинок по имени Стукач, кругломордый, юркий, с бегающими глазками и визгливым голосом. Оратор он был каких мало: когда ему требовалось доказать что-нибудь труднодоказуемое, у него была манера вертеться выюном, крутить хвостиком, и это почему-то убеждало. О Стукаче говорили, что ему ничего не стоит выдать черное за белое.

Вот эти-то трое и развили учение старого Главаря в стройную философскую систему и назвали ее «скотизмом». Чуть не каждую ночь, когда мистер Джонс засыпал, они тайно сходились в амбаре и разъясняли основные положения скотизма остальной скотине. Невозможно передать, с какой тупостью и равнодушием они столкнулись на первых порах. Кое-кто говорил, что они обязаны хранить верность мистеру Джонсу, и называл его не иначе как хозяин, а то и допускал незрелые высказывания такого рода: «Мистер Джонс нас кормит. Без него мы подохнем с голоду». Кое-кто задавал вопросы другого рода: «Какое нам дело, что станется после нашей смерти?» или «Если восстание все равно произойдет, какая разница, будем мы на

него работать или нет?» Свиньи потратили немало труда, пока убедили, что подобные высказывания несовместимы с духом скотизма. Но самые глупые вопросы задавала Молли, серая кобылка. Ее первый же вопрос Обвалу был: «А после восстания сахар у нас будет?»

– Не будет, – отрезал Обвал. – Мы не можем производить сахар. И вообще, зачем тебе сахар? Ты получаешь вдоволь овса и сена.

– А ленты в гриве можно будет носить? – спросила Молли.

– Товарищ, – сказал Обвал, – эти ленты, которые тебе так любы, символ рабства, вот что они такое. Разве свобода не дороже лент?

Молли согласилась, но без особой уверенности.

А вот опровергнуть выдумки, которые распускал ручной ворон Моисей, свиньям оказалось еще труднее. Моисей, любимец мистера Джонса, был ябедник и наушник, зато умел заговаривать зубы. Он уверял, что есть некий таинственный край, где текут молочные реки с кисельными берегами, туда после смерти отправятся все животные. Край этот, говорил Моисей, на небе, прямо за облаками. Там всю неделю, что ни день, воскресенье, круглый год не переводится клевер, а кусковой сахар и льняной жмых растут прямо на изгородях. Животные терпеть не могли Моисея: он плел небылицы и целый день бездельничал, но некоторые верили в молочные реки и кисельные берега, и свиньям стоило невероятных трудов убедить их, что такого края нет и в помине.

Самыми преданными последователями свиней оказались ломовые лошади – Боец и Кашка. Они ничего не могли придумать самостоятельно, но, раз и навсегда признав свиней своими учителями, буквально впитывали каждое их слово и доходчиво передавали другим животным. Они не пропускали ни одного подпольного собрания в амбаре и первыми запевали «Твари Англии», которыми неизменно завершались собрания.

Восстание осуществилось и раньше, и легче, чем они ожидали. Мистера Джонса, хозяина хоть и крутого, но умелого, в последние годы преследовала неудача за неудачей. Он потерял много денег в тяжбе, пал духом, пристрастился к выпивке. И целые дни напролет просиживал в кресле на кухне, читал газеты, потягивал пиво и подкармливал Моисея размоченными в пиве корками. Работники у него обленились, поворовывали, поля заросли сорняками, крыши прохудились, изгороди покосились, скотину недокармливали.

Наступил июнь – пора сенокоса. В канун Иванова дня – он пришелся на субботу – мистер Джонс уехал в Уиллингдон и так нагрузился в «Красном льве», что вернулся только к обеду в воскресенье. Работники с утра пораньше подоили коров и отправились охотиться на зайцев, а задать корму животным и не подумали. Сам мистер Джонс по возвращении задремал на диване в гостиной, прикрыв лицо «Ньюс оф уорлд»; вот и вечер наступил, а животным так никто и не задал корму. Наконец их терпение лопнуло. Одна корова выбила рогами дверь житницы, животные кинулись к сусекам и – давай хватать зерно. Тут они и разбудили мистера Джонса. Минуты не прошло, а он вместе с четырьмя работниками ворвался в житницу, и по спинам животных загуляли кнуты. Такого оголодавшие животные не могли снести. И, не сговариваясь, все, как один, ринулись на своих угнетателей. На Джонса и работников со всех сторон посыпались пинки и удары. Животные вышли из повиновения. Ничего подобного люди никогда не видели, и этот неожиданный бунт тех самых животных, которых они как только не притесняли и не колотили, перепугал их до потери сознания. Они попробовали было отбиваться, но через минуту-другую пустились наутек. И вот уже все пятеро опрометью мчались по проселочной дороге к большаку, а скотина, торжествуя, гналась за ними следом.

Миссис Джонс выглянула в окно, увидела, что творится, побросала кое-какие вещички в саквояж и задами убежала с фермы. Моисей соскочил с шестка и, громко каркая, пошлепал за ней. Тем временем животные выгнали Джонса с работниками на дорогу и захлопнули за ними тесовые ворота. Они еще не успели понять, что произошло, а восстание уже свершилось, Джонс был изгнан, и Господский Двор отошел к ним.

Поначалу они не поверили своему счастью. И перво-наперво в полном составе галопом обскакали все межи – уж очень им хотелось удостовериться, что на ферме не осталось и следа людей; потом помчались назад, к службам, – уничтожить следы ненавистного владычества Джонса. Разнесли сбруйницу, пристроенную к торцу конюшни; мундштуки, трензеля, собачьи цепи, страшные ножи, которыми мистер Джонс легчил поросят и ягнят, побросали в колодец. Вожжи, недоуздки, шоры, гнусные торбы швырнули на груды тлеющего во дворе мусора. Туда же полетели и кнуты. Когда кнуты

занялись огнем, животные запрыгали от радости. Обвал отправил в огонь и ленты, которые вплетали лошадям в гривы и хвосты по базарным дням.

— Ленты, — объявил он, — приравниваются к одежде, а одежда — один из признаков человека. Все животные должны ходить голыми.

Слова его произвели такое впечатление на Бойца, что он принес соломенную шляпу, которая летом спасала его от назойливых мух, и тоже швырнул в костер.

Вскоре было уничтожено все, что напоминало о мистере Джонсе. После чего Наполеон повел животных в житницу и выдал каждому по двойной пайке зерна, а собакам — по две галеты. Потом они спели «Твари Англии» от начала до конца семь раз кряду, улеглись спать, и никогда в жизни им не спалось так хорошо.

Проснулись они по привычке на заре, сразу вспомнили, какие замечательные перемены произошли в их жизни, и дружно рванули на выгон. Чуть подалее на выгоне вздымался взгорок, с которого была видна как на ладони чуть не вся ферма. Животные взобрались на него и при ярком утреннем свете огляделись вокруг. Все здесь, куда ни кинь взгляд, отошло к ним! Как тут не восхититься, как не разгорячиться, и уж они резвились, уж они бесились! И катались по росе, и ели до отвала сладкую летнюю траву, и подкидывали в воздух комья черной земли, и вдыхали ее сытный запах. Они дотошно осмотрели всю ферму; онемев от восторга, глядели они на пашни, луга, сад, пруд, рощицу, смотрели так, словно видели их впервые, и не могли поверить, что ферма отошла к ним.

Потом гуськом двинулись на подворье и в молчании остановились перед хозяйским домом. И хотя дом тоже отошел к ним, войти в него они робели. Но Обвал и Наполеон быстро побороли нерешительность, навалились на дверь, взломали ее, и животные по одному, осторожно ступая из опасения как бы чего не повредить, потянулись в дом. На цыпочках переходили они из комнаты в комнату, говорили приглушенными голосами, с трепетом взирали на неслыханную роскошь — кровати с перинами, зеркала, диван конского волоса, плюшевый ковер, литографию королевы Виктории над камином в гостиной. И, уже спускаясь с крыльца, хватились Молли. Возвратились — и обнаружили ее в парадной спальне. Прижимая к плечу позаимствованную с туалетного столика миссис Джонс голубую ленту,

она преглупо глазела на себя в зеркало. Ее выбрали и увели из дому. Подвешенные к потолку кухни окорока решили предать земле, найденную в кладовке бочку пива Боец пробил копытом, а так больше ничего в доме не тронули. Не сходя с места, единогласно приняли резолюцию – считать хозяйский дом музеем. Все согласились, что никому из животных не подобает в нем жить.

Животные отправились завтракать, после чего Обвал и Наполеон снова созвали их.

– Товарищи, – сказал Наполеон. – Сейчас седьмой час, у нас впереди целый день. Сегодня мы начнем косовицу, но у нас есть еще одно дело, и им мы должны заняться в первую очередь.

И тут-то свиньи открыли им, что за последние три месяца они научились считать и писать по найденным на помойке старым прописям, по которым когда-то учились дети мистера Джонса. Наполеон распорядился принести по банке черной и белой краски и повел их к тесовым воротам, выходящим на большак. Там Обвал (он оказался самым способным к письму) зажал кисть ножкой, замазал надпись «Господский Двор» на верхней тесине ворот и вывел «Скотный Двор». Отныне и навсегда ферма будет именоваться так. После чего они вернулись на подворье, а там Обвал и Наполеон распорядились принести стремянку и велели приставить ее к торцу большого амбара. Они объяснили, что путем упорных трудов свиньям удалось за последние три месяца свести положения скотизма к семи заповедям. Теперь эти семь заповедей будут начертаны на стене и станут нерушимым законом, которым отныне и навек будут руководствоваться животные Скотного Двора. Не без труда (свинье ведь нелегко удержаться на лестнице) Обвал вскарабкался наверх и принялся за работу, а Стукач – он стоял чуть ниже – держал банку с краской. Заповеди начертали на осмоленной стене крупными белыми буквами – их было видно метров за тридцать. Вот они:

Семь заповедей

1. Тот, кто ходит на двух ногах, – враг.
2. Тот, кто ходит на четырех (равно как и тот, у кого крылья), – друг.
3. Животное да не носит одежду.
4. Животное да не спит в кровати.

5. Животное да не пьет спиртного.
6. Животное да не убьет другое животное.
7. Все животные равны.

Буквы были выведены четко и, если не считать, что в слове «четырех» вместо первого «е» стояло «и», а в слове «спит» «с» перевернулось не в ту сторону, все было исключительно грамотно. Обвал прочел заповеди вслух для общего сведения. Животные согласно кивали головами, а те, кто поумнее, стали не мешкая заучивать заповеди наизусть.

– А теперь за работу, товарищи, – сказал Обвал, отбрасывая кисть. – Для нас должно стать делом чести убрать урожай быстрее, чем Джонс и его работники.

Но тут три коровы – они давно маялись – громко замычали. Их уже сутки не доили, и вымя у них только что не лопалось. Свиньи подумали-подумали, распорядились принести подойники и вполне сносно подоили коров – и для этого их ножки сгодились. И вот в пяти подойниках пенилось жирное молоко, и многие поглядывали на него с нескрываемым любопытством.

– Куда мы денем такую пропасть молока? – раздался вопрос.

– Джонс, бывало, подмешивал молоко нам в корм, – сказала одна курица.

– Товарищи, не забивайте себе голову этим молоком, – прикрикнул Наполеон и заслонил своей тушей подойники. – Им займутся. Урожай – вот наша первоочередная задача. Товарищ Обвал поведет нас. Через несколько минут приду и я. Вперед, товарищи! Урожай не ждет.

И животные повалили в поле косить, а вечером было замечено, что молоко исчезло.

Глава III

Они работали без устали, до седьмого пота, только бы убрать сено! Труды их не пропали даром, урожай выдался на славу, они и не надеялись собрать такой.

Порой они отчаивались, потому что коса, грабли – они ведь не для животных, для людей приспособлены: ни одному животному с ними не управиться, тут требуется стоять на задних ногах. Но свиньи – вот ведь умные! – из любого положения находили выход. Ну а лошади, те знали поле досконально, а уж косили и сгребали в валки так, как и не снилось Джонсу и его работникам. Сами свиньи в поле не работали, они взяли на себя общее руководство и надзор. Да иначе и быть не могло, при их-то учености. Боец и Кашка впрягались в косилку, а то и в конные грабли (им, конечно, не требовалось ни удил, ни уздечек) и упорно ходили круг за кругом по полю, а кто-нибудь из свиней шел сзади и покрикивал, когда «А ну, товарищ, наддай!», а когда «А ну, товарищ, осадь назад!». А уж ворошили и копнили сено буквально все животные от мала до велика. Утки и куры и те весь день носились взад-вперед, по клочкам перетаскивая сено в клювах. Завершили уборку досрочно. Джонс с работниками наверняка провозился бы по меньшей мере еще два дня. Не говоря уж о том, что такого урожая на ферме сроду не видывали, вдобавок убрали его без потерь: куры и утки – они же зоркие – унесли с поля все до последней былинки. И никто ни клочка не украл.

Все лето ферма работала как часы. И животные были рады-радехоньки – они и думать не могли, что так бывает. Никогда они не ели с таким удовольствием: совсем другое дело, когда вырастишь еду сам и для себя, а не получишь из рук скупердяя хозяина. После того как они прогнали людей, этих никчемных паразитов, на долю каждого приходилось больше еды. И хотя недостаток опыта явно сказывался, отдыхали они тоже больше. Трудности преследовали их на каждом шагу. Например, когда пришло время собирать урожай, им пришлось молотить его на старинный лад на току, а чтобы вывезть мякину – дуть изо всех сил: молотилки на ферме не было; но они преодолевали любые трудности благодаря свиньям, их уму, и Бойцу, его невероятной

силе. Бойцом восхищались все. Он и при Джонсе не ленился, а теперь и вовсе работал за троих; бывали дни, когда он вывозил на себе чуть не всю работу. С утра до ночи он тянул и тащил и всегда поспевал туда, где тяжелее всего. Он попросил одного из петушков будить его поутру на полчаса раньше, по своему почину шел на самый узкий участок и до начала рабочего дня трудился там. Какие бы осечки, какие бы неудачи у них ни случались, у Бойца на все был один ответ: «Я буду работать еще упорнее», – такой он взял себе девиз.

Но и другие тоже работали в меру своих сил. От каждого по способностям: куры и утки, например, собрали по колоску чуть не два центнера оставленной в поле пшеницы. Никто не крал, не ворчал из-за пайков; склоки, брань, зависть почти прекратились, а ведь раньше считалось, что это в порядке вещей. Никто не отлынивал от работы, вернее, почти никто. Молли, правда, неохотно вставала поутру и норовила уйти с работы пораньше под предлогом, что повредила копыто камнем. Да и кошка вела себя подозрительно. Было замечено: едва ей хотели поручить какую-нибудь работу, кошка смывалась. Она надолго пропадала и объявлялась как ни в чем не бывало только к обеду или к вечеру, когда вся работа была уже сделана. Но она так убедительно оправдывалась, так ласково мурлыкала, что нельзя было не поверить: всему виной неудачно сложившиеся обстоятельства. А вот Вениамин, старый ослик, каким был, таким и остался. Медлительный, нравный, он работал так же, как при Джонсе, от работы не отлынивал, но и на лишнюю работу не напрашивался. Ни о восстании, ни о связанных с ним переменах он не высказывался. Если его спрашивали, лучше ли ему живется без Джонса, он говорил только:

– Ослиный век долгий, никому из вас не довелось видеть мертвого осла, – и всем приходилось довольствоваться этим загадочным ответом.

По воскресеньям не работали. Завтрак бывал на час позже обычного и всякий раз неизменно заканчивался пышной церемонией. Первым делом выкидывали флаг. Обвал отыскал в сбруйнице старую скатерть миссис Джонс и изобразил на ней белой краской рог и копыто. И каждое воскресенье поутру скатерть взлетала на флагшток в саду. «Зеленый цвет, – объяснил Обвал, – означает зеленые поля Англии, а рог и копыто знаменуют грядущую Скотную Республику, которая будет учреждена, когда мы повсеместно свергнем род

людовой». После поднятия флага животные тянулись в большой амбар на сходку – назывались эти сходки собраниями. На собраниях планировалась работа на текущую неделю, выдвигались и обсуждались разные предложения. Выдвигали предложения свиньи. Как голосовать, другие животные понимали, но ничего предложить не могли. На обсуждениях Обвал и Наполеон забивали всех своей активностью. Но было замечено, что эти двое никогда не могут согласиться: какое бы предложение ни вносил один, другой выступал против. Даже когда решили – и тут уж вроде и возразить было нечего – отвести загончик за садом под дом отдыха для престарелых, они затеяли бурный спор о том, в каком возрасте каким животным уходить на покой. Собрания обязательно завершались пением «Тварей Англии», ну а днем развлекались кто как.

Сбруйницу свиньи забрали себе под штаб-квартиру. Здесь они вечерами изучали кузнечное, плотницкое дело и другие ремесла по книгам, позаимствованным в хозяйском доме. Обвал, кроме того, увлекся созданием всевозможных скотных комитетов. Этому занятию он предавался самозабвенно. Он учредил Комитет по яйцекладке – для кур, Комиссию по очистке хвостов – для коров, Ассоциацию по перевоспитанию диких товарищей (ее целью было приручение крыс и кроликов), Движение за самую белую шерсть – для овец, и так далее и тому подобное, не говоря уж о кружках по ликвидации безграмотности. Как правило, из проектов Обвала ничего не выходило. К примеру, попытка приручения диких животных провалилась чуть не сразу. В повадках диких животных не замечалось никаких перемен, а от хорошего отношения они только еще пуще распоясывались. Кошка вошла в Ассоциацию по перевоспитанию и на первых порах развила большую активность. Однажды ее застали на крыше: она проводила беседу с сидящими от нее на почтительном расстоянии воробьями – разъясняла им, что все животные теперь братья и если кто из воробьев пожелает сесть к ней на лапку – милости просим, но воробьи не торопились принять ее приглашение.

А вот кружки по ликвидации безграмотности, напротив, дали прекрасные результаты. К осени чуть не все в той или иной мере научились грамоте.

Что касается свиней, они уже свободно читали и писали. Собаки недурно читали, но ничего, кроме семи заповедей, читать не хотели.

Коза Мона читала лучше собак и порой вечерами почитывала животным обрывки подобранных на помойке газет. Вениамин читал не хуже любой свиньи, но своим умением никогда не пользовался. Насколько ему известно, говорил он, ничего путного не написано, а раз так, незачем и читать. Кашка выучила алфавит от первой до последней буквы, но не умела складывать слова. Боец дальше буквы Г не пошел. Большущим копытом он выводил в пыли А, Б, В, Г, затем стоял, приложив уши, изредка потряхивал челкой и таращился на буквы, стараясь запомнить, какие же идут дальше, но куда там. Правда, ему случалось, и не раз, выучивать и Д, и Е, и Ж, и З, но тогда оказывалось, что он тем временем успевал забыть А, Б, В и Г. В конце концов он решил довольствоваться первыми четырьмя буквами и поставил себе за правило писать их два раза в день, чтобы они не выветрились из памяти. Молли никаких других букв, кроме пяти, образовавших ее имя, учить не желала. Зато эти она ровненько выкладывала из прутиков, украшала там-сям цветком и, не в силах отвести глаз от своего имени, долго ходила вокруг.

Остальная скотина не пошла дальше А. Обнаружилось также, что животные поглупее, а именно овцы, куры и утки, не способны выучить семь заповедей наизусть. Обвал подумал-подумал, потом объявил, что вообще-то семь заповедей можно свести к одному правилу, а именно: «Четыре ноги хорошо, две – плохо!» В нем, заявил Обвал, заключен основополагающий принцип скотизма. Тому, кто его хорошо усвоит, не опасно людское влияние. Против этого принципа поначалу выступили птицы: ведь у них, как они считали, тоже две ноги, но Обвал доказал им, что они ошибаются.

– Хотя как птичье крыло, так и рука, товарищи, – сказал он, – орган движения, но у него совершенно иная разновидность локомоции. И соответственно его следует приравнять к ноге. Отличительным же признаком человека является рука – это орудие всех его преступлений.

Птицы ученых слов не поняли, однако объяснение Обвала приняли, и все животные потупее принялись разучивать новое правило наизусть. «Четыре ноги хорошо, две – плохо!» – начертали большими буквами на торце амбара над семью заповедями. Заучив это правило наизусть, овцы очень к нему привязались и частенько, лежа в поле, хором заводили: «Четыре ноги хорошо, две – плохо! Четыре ноги хорошо, две – плохо!» – и блеяли так часами без усталости.

Наполеон не выказывал никакого интереса к Обваловым комитетам. Он заявил, что во главу угла надо ставить воспитание молодежи, а не тех, кто уже сформировался как личность. Случилось так, что Роза и Ромашка после сенокоса разом ощенились – у них народилось девять крепких щенков. Едва щенят отняли от груди, Наполеон отобрал их у матерей, сказав, что берет их воспитание на себя. И унес щенят на сеновал, куда попасть можно было лишь по приставной лестнице, стоявшей в сбруйнице, так что щенят никто не видел и об их существовании вскоре забыли.

Таинственная история с пропажей молока вскоре разъяснилась. Свины подливали его каждый день в свой корм.

Начали созревать ранние сорта яблок, и трава в саду была усеяна падалицей. Животные считали, что падалицу, естественно, разделят между всеми поровну, но вскоре вышел приказ подобрать падалицу и снести в сбруйницу для удовлетворения потребностей свиней. Кое-кто начал было роптать, но без толку. Тут все свиньи, даже Наполеон и Обвал, проявили полное единодушие. Стукача послали к животным провести среди них разъяснительную работу.

– Товарищи! – взывал он. – Я надеюсь, вы не думаете, что мы, свиньи, взяли себе молоко и яблоки из эгоизма или корысти? Да многие из нас терпеть не могут ни молока, ни яблок. И я в том числе. Мы берем их лишь для того, чтобы поддержать свое здоровье. В молоке и в яблоках (а это точно доказано наукой, товарищи) содержатся вещества, необходимые для нормальной жизнедеятельности свиней. Свины – работники умственного труда. Руководство и управление фермой целиком лежит на нас. И днем и ночью мы работаем на ваше благо. И молоко пьем, и яблоки мы едим тоже ради вас же самих. Знаете ли вы, что случилось бы, если бы мы, свиньи, оказались не в состоянии выполнять свой долг? Джонс вернулся бы! Да, да, вернулся бы Джонс! Уж не хотите ли вы, товарищи, – взывал Стукач, вертясь вьюном и крутя хвостиком, – уж не хотите ли вы возвращения Джонса?

А если животные чего не хотели, так это возвращения Джонса. И когда им представили дело в таком свете, они мигом замолчали. Теперь ни у кого не оставалось сомнений, что здоровье свиней – дело первостепенной важности. И животные без лишних разговоров

согласились, что и молоко, и падалицу (а когда поспеют яблоки, то и весь их урожай) следует предназначить исключительно для свиней.

Глава IV

К концу лета слухи о событиях на Скотном Дворе обошли чуть не полстраны. Каждый день Обвал и Наполеон рассылали стаи голубей с заданием проникать на соседние фермы, рассказывать животным о восстании, обучать их петь «Твари Англии».

Тем временем мистер Джонс почти безвыходно сидел в пивной уиллингдонской гостиницы «Красный лев» и плакался любому, кто соглашался слушать, на черную неблагодарность животных, которые выгнали его взащей с его же двора: пусть-ка теперь справятся без него. Фермеры вообще-то ему сочувствовали, но помогать не спешили. В глубине души каждый задавался вопросом: нельзя ли как-нибудь Джонсову беду обратить себе на пользу? По счастью, между хозяевами обеих ферм, граничащих со Скотным Двором, не прекращались распри. Одна из ферм, называлась она Плутни, большая и запущенная, велась по старинке: уголья ее зарастали мелколесьем, выгоны были вытоптаны, заборы покосились. Хозяин ее, мистер Калмингтон, благодушный фермер с барскими замашками, чуть не все время пропадал то на рыбной ловле, то на охоте – смотря по сезону. Другая ферма, именовалась она Склоки, была поменьше и велась получше. Хозяин ее, некий мистер Питер, ловкач и выжига, затевал бесчисленные тяжбы и в умении облапошить не знал равных. Они настолько не переваривали друг друга, что никогда и ни о чем не могли договориться, даже если от этого страдали их собственные интересы.

Однако восстание на Скотном Дворе не на шутку перепугало обоих, и что тот, что другой чего только не делали, чтобы их животные о нем не узнали. Поначалу они просто насмехались над животными – эка хватило, ну где им самим вести хозяйство. Да животные не продержатся у власти и двух недель, говорили они. И распускали слухи, что на Господском Дворе (они упорно называли ферму Господским Двором, настолько им было ненавистно название Скотный Двор) начались междоусобицы и что не сегодня завтра скотина там начнет подыхать с голоду. Но время шло, скотина и не думаладохнуть с голоду, и тогда Питер и Калмингтон сменили пластинку и стали рассказывать о чудовищном падении нравов на Скотном Дворе.

Сообщали, что животные пожирают друг друга, ввели пытки раскаленными подковами и обобществили самок. Вот чем кончается, когда восстают против законов природы, – так говорили Питер и Калмингтон.

Им, однако, не очень-то верили. И молва о замечательной ферме, где прогнали людей и где животные сами вершат дела, пусть неточная и искаженная, шла все дальше и дальше, и круглый год в округе пахло бунтом. Быки, прежде покладистые, впадали в буйство, овцы валили изгороди и пожирали клеверища, коровы опрокидывали подойники, скакуны, вместо того чтобы брать барьеры, перекидывали через них ездовых. И в довершение всего в Англии не осталось такого места, где не знали бы мелодии да и слов «Тварей Англии». Песня разошлась с неслыханной быстротой. Люди при ее звуках впадали в ярость, но притворялись, что считают ее нелепой. Стыд и срам, говорили они, петь подобную чушь, даже от животных они не ожидали ничего подобного. Если кого-нибудь из животных застигали за пением «Тварей Англии», его тут же, на месте преступления, охаживали кнутом. Но задушить песню не удалось. Ее насвистывали дрозды на изгородях, чирикали воробьи на ветках вязов, выбивали молоты кузнецов, вызванивали церковные колокола. При звуках ее люди тайне трепетали – им слышалось предвестие грядущей гибели.

В начале октября, когда убрали, заскирдовали и начали обмолачивать пшеницу, на Скотный Двор, рассекая воздух, вне себя от возбуждения опустились голуби. Джонс и все его работники, а с ними и пяток парней из Плутней и Склок вошли в тесовые ворота и по проселочной дороге двигаются к Скотному Двору. У всех при себе дубинки, впереди с ружьем наперевес Джонс. Сомневаться не приходилось: они вознамерились отбить ферму.

Животных не застали врасплох – они давно готовились к нападению. Оборону возглавил Обвал – он загодя проштудировал растрепанный том «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря, обнаруженный им в хозяйском доме. Обвал сыпал приказами и в считанные минуты расставил всех по местам.

Люди еще только подходили к ферме, а Обвал уже начал наступление. Голуби, в числе тридцати пяти штук, носились взад-вперед над людьми и гадили им на головы; покуда люди отчищались, на них напали притаившиеся за изгородью гуси и щипали их за ноги.

Но это был всего лишь отвлекающий маневр, имевший целью внести расстройство в ряды противника, и люди без особого труда отогнали гусей палками. И вот тут-то Обвал двинул в бой главные силы. Мона, Вениамин и овцы под водительством Обвала ринулись на людей, окружили их и ну бодать, ну пырять, а Вениамин оборотился задом и давай брыкаться. Но куда там – и на этот раз они не одолели людей: у тех ведь и дубинки, и подбитые гвоздями башмаки, и тогда Обвал, пронзительно заверещав, подал сигнал к отступлению, и животные, разом повернув, укрылись во дворе.

Раздался торжествующий крик. Люди сочли, что враг отступил, и, не потрудившись навести порядок в своих рядах, бросились преследовать его. На что и рассчитывал Обвал. Едва люди углубились во двор, в тылу у них обнаружили три лошади, три коровы и остальные свиньи – они устроили засаду в коровнике и отрезали людям путь к отступлению. Вот тут-то Обвал и подал сигнал к атаке. Сам он взял на себя Джонса. Джонс увидел, что Обвал мчится прямо на него, вскинул ружье и нажал курок. Заряд дроби угодил Обвалу в спину, оставив на ней кровавые борозды, и убил наповал одну овцу. Но Обвал не дрогнул и всей своей шестипудовой тушей двинул Джонса по ногам. Джонс отлетел на навозную кучу и выронил ружье. Но сильнее всех перепугал людей Боец: встав на дыбы – ну жеребец жеребцом, – он бил здоровенными подкованными копытами. Первый же из его ударов угодил конюху из Плутней по голове, и тот замертво свалился в грязь. Люди побросали дубинки и кинулись в бегство. Животные, воспользовавшись растерянностью людей, дружно гоняли их кругами по двору. Поднимали на рога, лягали, кусали, топтали. Не было животного на ферме, которое не постаралось бы посылить отплатить за все обиды. Даже кошка и та спрыгнула с крыши на плечи скотнику и запустила ему когти в шею, да так, что он заорал благим матом. Едва путь к воротам открылся, люди бросились к большаку – они не чаяли унести ноги. И пяти минут не прошло, как они вторглись на Скотный Двор, и вот уже им пришлось с позором отступить, а за ними, злобно шипя, гналась по пятам стая гусей.

Удрать удалось всем нападающим, кроме одного. На задах Боец копытом поддевал лежавшего ничком в грязи конюха, стараясь его перевернуть.

– Он умер, – горевал Боец, – а ведь я не хотел его убить. Совсем запамятовал, что меня подковали. А теперь никто не поверит, что это я нечаянно.

– Отставить сантименты, товарищ! – прикрикнул на него Обвал, обливаясь кровью. – Война есть война. Хороший человек – это мертвый человек.

– Я не хочу никого убивать, пусть даже и людей, – твердил Боец, и в глазах его стояли слезы.

– А где же Молли? – слышался вопрос.

Молли и впрямь исчезла. Поднялся переполох: ведь люди могли ее поранить, а то и увести с собой. В конце концов ее обнаружили: она пряталась в деннике, зарыв голову в ясли с сеном. Едва раздался выстрел, она сбежала с поля боя. Пока искали Молли, конюх – оказалось, он всего-навсего лишился чувств – опаматовался и смылся.

Животные снова сошлись и вне себя от возбуждения повествовали о своих подвигах, норовя перекричать друг друга. Решили, не откладывая дела в долгий ящик, экспромтом отпраздновать победу. Подняли флаг, несколько раз подряд спели «Твари Англии», с почестями похоронили павшую в бою овцу и посадили на ее могиле куст боярышника. Над могилой Обвал произнес речь, в которой подчеркнул, что они все, как один, должны быть готовы, если потребуется, отдать жизнь за Скотный Двор.

Единогласно решили учредить награду за боевые заслуги – Герой Скотного Двора I степени – ее прямо на месте присвоили Обвалу и Бойцу. Награжденным предписывалось по воскресеньям и праздничным дням носить медную медаль (на них пошли бляхи со шлей, которые нашлись в сбруйнице). Учредили также звание Героя Скотного Двора II степени – его посмертно присвоили овце.

Долго спорили о том, как назвать этот бой. В результате решили именовать его Бой под коровником – ведь именно из коровника сидевшие в засаде ударили по врагу. Извлекли из грязи ружье мистера Джонса, – на ферме, как было известно, имелись к нему патроны. Приняли решение установить у подножия флагштока вместо пушки ружье и дважды в год отмечать залпом годовщину Боя под коровником – 12 октября и годовщину восстания – в канун Иванова дня.

Глава V

К зиме с Молли совсем не стало сладу. Что ни утро она опаздывала на работу, в оправдание говорила, что проспала, жаловалась на таинственные недомогания, хотя ела по-прежнему с отменным аппетитом. Она выискивала всевозможные предлоги, чтобы бросить работу, удирала к пруду и часами стояла там, преглупо глаза на свое отражение в воде. Но, если верить молве, имелись у нее проступки и посерьезнее. И однажды, когда Молли беззаботно прогуливалась по двору, помахивая длинным хвостом и жуя клоч сена, Кашка отвела ее в сторону.

– Молли, – сказала она. – Я должна серьезно поговорить с тобой. Утром я видела, как ты через изгородь заглядывала в Плутни. По ту сторону изгороди стоял конюх мистера Калмингтона. Так вот, хотя я и была от вас далеко, глаза меня не обманули: я видела, что он говорит с тобой, треплет тебя по храпу, а ты ничуть этому не противишься. Молли, что это значит?

– И вовсе он не трепал! И не стояла я там! Ничего этого не было! – выкрикнула Молли и стала выделывать курбеты и рыть копытами землю.

– Молли! Погляди мне в глаза! Поклянись, что конюх не трепал тебя по храпу!

– Ничего этого не было! – повторила Молли, но глаза отвела и давай ходу в поле.

И тут-то Кашку осенила мысль. Никому ничего не говоря, она пошла в Моллин денник и переворошила солому. Под соломой обнаружилась кучка кускового сахара и несколько пучков разноцветных лент.

А три дня спустя Молли пропала. Неделя шла за неделей, но никто так и не знал, где она, потом голуби донесли, что ее видели на другой стороне Уиллингдона. Она стояла у пивной, запряженная в изящные красно-черные дрожки. Красномордый толстяк в клетчатых бриджах и гамашах, по всей вероятности, хозяин пивной, трепал ее по храпу и кормил сахаром. Грива ее была свежестрижена, челку

украшала алая лента. Если верить голубям, она явно наслаждалась жизнью. С тех пор никто и никогда не произносил имени Молли.

В январе залютовали морозы. Земля стала твердая как камень, работы в поле пришлось прекратить. Собrania перенесли в большой амбар, свиньи же всецело отдались планировке весенних работ. Все согласились, что кому, как не свиньям, раз они явно всех умнее, и направлять работу фермы, но решения их будут утверждаться лишь в том случае, если за них проголосует большинство. Задумано было дельно, да вот беда – между Обвалом и Наполеоном вечно шли споры. Они расходились во всем, был бы повод. Если один предлагал сеять больше ячменя, другой соответственно требовал сеять больше овса, если же один говорил, что на этом поле хорошо бы посадить капусту, другой утверждал, что оно годится исключительно под свеклу. У каждого были свои сторонники, и между ними то и дело завязывались ожесточенные дискуссии. Обвал, пламенный оратор, увлекал за собой чуть не всех слушателей на собраниях, но только на собраниях, а так-то куда лучше обеспечивал себе поддержку Наполеон. Особенно охотно шли за Наполеоном овцы. Последнее время они повадились блеять «Четыре ноги хорошо, две – плохо!» к месту и не к месту и своим блеянием постоянно прерывали собрания. Было замечено, что они почти всегда приурочивали свое «Четыре ноги хорошо, две – плохо!» к решающим местам речей Обвала. Обвал прочел от корки до корки комплект «Земледельца и скотовода», обнаруженный им в хозяйском доме, и был переполнен до краев планами всевозможных новшеств и усовершенствований. Он со знанием дела рассуждал о дренаже, силосе, фосфорных удобрениях и разработал хитроумный проект, который предписывал животным оставлять навоз только на поле, причем каждый раз на другом месте, что обеспечивало большую экономию труда по перевозке удобрений. Наполеон же, напротив, никаких проектов не выдвигал, зато преспокойно утверждал, что из проектов Обвала ничего не выйдет, и, похоже, выжидал время. Но самая жестокая из всех стычек вышла у них из-за ветряной мельницы.

На выгоне, тянувшемся вдоль служб, вздымался взгорок – выше его не было места на ферме. Обозрев окрестности, Обвал заявил, что взгорок буквально создан для ветряной мельницы, а на мельнице они поставят генератор, и он будет снабжать ферму током. Тогда они проведут в стойла свет, смогут отапливать их зимой, не говоря уж о

том, что ток позволит завести дисковую пилу, соломорезку, свеклорезку и машинную дойку. Животные ни о чем подобном и слыхом не слыхивали (ферма была из самых отсталых, и если там и имелись машины, то крайне допотопные), поэтому они, развесив уши, внимали Обвалу, а тот развернул перед ними заманчивую картину: машины делают за них всю работу, они же пасутся в свое удовольствие, а то и повышают свой уровень чтением и беседами.

Недели через две-три Обвал полностью разработал проект ветряной мельницы. В основу технической части легли три источника: «Тысяча полезных советов по дому», «Каждый сам себе каменщик» и «Что надо знать начинающему электрику», позаимствованные в библиотеке мистера Джонса. Под свой кабинет Обвал приспособил сарай, где раньше размещался инкубатор, – там был ровный деревянный пол, как нельзя лучше подходящий для черчения. Обвал часами пропадал в нем. Придавив книгу на нужной странице камнем, зажав в ножке мелок, он сновал взад-вперед по сараю, проводил черту за чертой и повизгивал от восторга. Мало-помалу чертеж – сложное переплетение коленчатых валов и зубчатых колес – распространился чуть не на половину сарая; на животных, пусть они в нем ничего не понимали, он производил сильнейшее впечатление. Не было такого животного, которое хоть раз в неделю не пришло бы посмотреть на чертеж Обвала. Даже куры и утки и те приходили, правда, старались держаться подальше от меловых линий. Один Наполеон не выказывал никакого интереса к мельнице. Он с самого начала заявил себя ее противником. Тем не менее и он в один прекрасный день явился посмотреть на чертеж. Тяжело ступая, обошел сарай, разглядел чертеж в мельчайших подробностях, нюхнул его там-сям, а потом задрал вдруг ногу, пустил на чертеж струю и, не сказав ни слова, покинул сарай.

Из-за строительства ветряной мельницы на ферме произошел раскол. Обвал не скрывал, что строительство ветряной мельницы потребует от них отдачи всех сил. Придется добывать камень, возводить стены, сооружать крылья, а там понадобятся и генератор, и провода. (Как он рассчитывает их раздобыть, Обвал не уточнял.) И тем не менее, заверял он животных, они построят мельницу за год. Ну а потом, утверждал он, мельница даст такую экономию труда, что они смогут работать всего три дня в неделю. Наполеон же, напротив, провозгласил, что на сегодня первоочередная задача – увеличить

производство кормов, строительство же ветряной мельницы лишь отвлечет их и обрежет на голодную смерть. Животные разбились на два лагеря; один выдвинул лозунг «Голосуйте за Обвала и три дня работы в неделю», другой – «Голосуйте за Наполеона и полную кормушку». Только Вениамин не примкнул ни к одному лагерю. Он не верил ни в грядущее изобилие, ни в экономию труда, которую якобы даст ветряная мельница. С мельницей или без мельницы, говорил он, они как жили, так и будут жить, иначе говоря, плохо.

Разногласия возникали не только из-за строительства ветряной мельницы, в вопросе обороны фермы тоже не было единства. Все понимали, что, хотя люди потерпели поражение в Бою под коровником, они предпримут еще одну, на этот раз более решительную попытку отвоевать ферму и восстановить власть мистера Джонса. Тем более что весть о поражении людей обошла округу и животные на соседних фермах вовсе отбились от рук. Обвал и Наполеон и тут полностью разошлись. Наполеон требовал добыть огнестрельное оружие и наладить боевую подготовку. Обвал – рассылать побольше голубей и поднимать на восстание скотину соседних ферм. Надо крепить оборону, иначе нас сомнут, утверждал один; надо поднять на восстание скотину всех ферм – и тогда никакая оборона не понадобится, утверждал другой. Животные слушали сначала Обвала, потом Наполеона и никак не могли решить, кто же из них прав; вообще-то, какой бы оратор перед ними ни выступил, они поддерживали его единодушно.

Но вот настал день, и Обвал завершил свой проект. В следующее же воскресенье поставили на голосование вопрос – приступать или не приступать к строительству ветряной мельницы? Когда животные собрались, Обвал взял слово и, хотя овцы то и дело прерывали его блеянием, подробно обосновал, почему он ратует за строительство ветряной мельницы. Затем слово для ответа взял Наполеон. Он преспокойно заявил, что ветряная мельница – сушая чушь и что он не советует за нее голосовать; говорил он полминуты, не больше, и, похоже, несколько не интересовался тем, как подействуют его слова на слушателей. Следом вскочил Обвал и, громовым голосом перекрывая овец, которые тут же принялись блеять, произнес пламенную речь в защиту ветряной мельницы. До сих пор у Обвала и Наполеона было примерно поровну сторонников, но Обвал своим ораторским

искусством увлек за собой всех. Он в самых радужных красках расписал, каким станет Скотный Двор, когда скотина сбросит с себя бремя непосильного труда. Воображение его разыгралось – он пошел куда дальше жалких соломо– и репорезок. Электричество, сказал он, приведет в действие молотилки, плуги, бороны, косилки, жатки, сноповязалки, более того, электричество даст возможность провести в каждое стойло свет, горячую, холодную воду и отопление. Обвал еще не кончил свою речь, а исход голосования уже был совершенно ясен. Но тут Наполеон встал, многозначительно глянул на Обвала искоса и испустил пронзительный визг – никто и никогда не слышал от него такого.

В ответ послышался устрашающий лай, и девять здоровенных псов в ошейниках с медным набором ворвались в амбар. Они напрямик рванули к Обвалу, и хорошо еще, тот схватился с места, иначе не сносить бы ему головы. В минуту Обвал был за дверью, псы пустились за ним. Ошеломленные, перепуганные животные молча вывалились из сарая – следить за погоней. Обвал мчал через длинный выгон к большаку. Он бежал со всех ног, никто, кроме свиней, не умел так бегать, и все равно псы догоняли его. Вдруг он поскользнулся – казалось, псы сейчас схватят его. Ан нет, он вскочил, еще наддал, но вот опять расстояние между ним и псами стало сокращаться. Еще чуть-чуть – и, не вильни Обвал вовремя хвостом, один из псов вцепился бы в него. Но Обвал опять наддал, оторвался от псов, юркнул в дыру в изгороди и был таков.

Притихшие, запуганные животные поплелись обратно в сарай. Псы чуть не сразу вернулись. Поначалу все недоумевали, откуда они взялись, но загадка быстро разрешилась: это были те самые щенки, которых Наполеон отнял у Розы и Ромашки и держал на сеновале. Они уже вымахали в здоровенных псов, свирепых, что твои волки, а ведь им предстояло еще расти. Они ни на шаг не отходили от Наполеона. Было замечено, что они пресмыкаются перед ним, точь-в-точь как в прежние дни перед мистером Джонсом пресмыкались его псы.

Потом Наполеон в сопровождении псов взобрался на помост, с которого некогда произнес свою речь Главварь. Наполеон объявил, что отныне воскресные собрания отменяются. Они исчерпали себя, сказал Наполеон, и превратились в пустую трату времени. В дальнейшем все вопросы, касающиеся работы фермы, будут переданы в ведение

комитета, куда войдут только свиньи, а возглавит его он лично. Заседания комитета будут закрытыми, о принятых решениях животных будут ставить в известность. Поутру в воскресенье животные по-прежнему будут сходиться – отдавать честь флагу, петь «Твари Англии» и получать наряды на неделю, но дискуссии прекращаются отныне и навсегда.

Как ни потрясло животных изгнание Обвала, отмена дискуссий удручила их до крайности. Кое-кто наверняка бы запротестовал, найдись у него доводы. Даже Боец был озадачен. Он прижал уши, потряхивал челкой, но мысли у него разбегались, и, как ни тужился, он не мог придумать, что бы тут сказать. Зато среди самих свиней обнаружили такие, у которых нашлось что возразить. Четверо подсвинков в первом ряду возмущенно заверещали, разом вскочили и заговорили хором. Но псы, окружившие Наполеона, грозно зарычали, и подсвинки прикусили языки и сели. Овцы сразу же грянули: «Четыре ноги хорошо, две – плохо!» – и блеяли так чуть не четверть часа – какие уж тут дискуссии!

После чего Стукач получил задание обойти ферму и объяснить животным новые порядки.

– Товарищи, – сказал он, – я надеюсь, вы все понимаете, какую жертву приносит товарищ Наполеон, взвалив на себя еще и руководство фермой. Уж не думаете ли вы, товарищи, что руководить легко? Напротив, это серьезный, тяжелый труд. Нет и не может быть более стойкого приверженца равенства всех животных, чем товарищ Наполеон. Он был бы просто счастлив не принимать решений единолично, а доверить это вам. Но кто поручится, что вы не примете неверное решение? Вдруг вы решили бы пойти за Обвалом с его вилами по воде писанными ветряными мельницами, тем самым Обвалом, который разоблачил себя как вредитель?

– Он храбро дрался в Бою под коровником, – раздался голос.

– Одной храбрости мало, – сказал Стукач, – преданность и беспрекословное повиновение – вот что важно. Что же касается Боя под коровником, я верю – недалек тот час, когда выяснится, что роль Обвала в Бою под коровником сильно раздута. Дисциплина, товарищи, железная дисциплина! Вот наш девиз на сегодняшний день. Один неверный шаг – и враг нападет на нас. Уж не хотите ли вы, товарищи, чтобы возвратился Джонс?

И опять он нашел безошибочный довод. Конечно же, они не хотели, чтобы Джонс возвратился, и, если воскресные дискуссии могут способствовать возвращению Джонса, они прекратят дискуссии. Боец – он успел собраться с мыслями – выразил общее мнение:

– Раз так говорит товарищ Наполеон, значит, так оно и есть. Товарищ Наполеон никогда не ошибается.

И отныне к прежнему своему девизу «Я буду работать еще упорнее» прибавил девиз «Товарищ Наполеон всегда прав».

Холода наконец отступили – пора было начинать весеннюю пахоту. Сарай, где Обвал чертил ветряную мельницу, заперли, а чертежи, по всей вероятности, стерли. По воскресеньям животные сходились к десяти утра в большой амбар за нарядами на неделю. Череп старого Главаря, отполированный временем, вырыли и установили в саду на пне у подножия флагштока рядом с ружьем. После поднятия флага животным, прежде чем проследовать в амбар, надлежало пройти церемониальным маршем мимо черепа. Теперь они больше не садились скопом, как прежде. Наполеон со Стукачом и еще один хряк, по имени Последыш, наделенный поразительным даром слагать песни и стихи, усаживались на помосте, за ними полукругом помещались девять собак, позади них – прочие свиньи. Остальные животные располагались напротив, но не на помосте, а прямо на полу. Наполеон круто, по-солдатски распределял наряды на неделю, и, пропев один раз «Твари Англии», животные расходились.

На третье воскресенье после изгнания Обвала Наполеон заявил, что ветряная мельница все же будет построена, чем несколько озадачил животных. Почему он изменил свое решение, Наполеон не объяснил, лишь предупредил, что выполнение этой дополнительной задачи потребует от них поистине небывалых усилий и не исключено, что их пайки придется урезать. Проект строительства ветряной мельницы, как оказалось, был уже разработан до мельчайших деталей. Последние три недели над ним работал особый комитет, куда вошли исключительно свиньи. Предполагалось, что строительство ветряной мельницы, ну и еще кое-каких служб, займет два года.

Вечером Стукач провел с каждым индивидуальную работу, разъяснил, что на самом деле Наполеон вовсе не возражал против строительства ветряной мельницы. Напротив, он с самого начала ратовал за нее, и проект, который они видели на полу сарая, выкраден

Обвалом у Наполеона. Ветряная мельница, в сущности, детище Наполеона. Почему же тогда, раздался голос, Наполеон так резко выступил против нее? Тут Стукач скорчил лукавую мину. В этом, объяснил он, и проявилась мудрость товарища Наполеона. Он умышленно выказал себя противником строительства ветряной мельницы, чтобы при помощи этого хитрого хода убрать с дороги Обвала, матерого врага, который мог увлечь их по неверному пути. Теперь же, когда Обвал обезврежен, они наконец-то приступят к строительству ветряной мельницы. Вот что такое тактика, сказал Стукач. Тактика, товарищи, тактика, хихикал он, вертясь вокруг них вьюном и крутя хвостиком. Животные не поняли, что это значит, но Стукач говорил так напористо, а трое случившихся тут псов рычали так злобно, что они не стали углубляться и удовлетворились его объяснениями.

Глава VI

Всю зиму животные работали как каторжные. Но труд был для них счастьем: они не жалели сил, шли на любые жертвы – их вдохновляло, что они работают ради себя, ради грядущих поколений, а не ради людей, этих бездельников и эксплуататоров.

Весну и лето они работали по десять часов в день, а в августе Наполеон объявил, что отныне им придется работать и по воскресеньям после обеда. Явка на воскресники, разумеется, строго добровольная, но тем, кто не явится, паек урежут наполовину. Несмотря на это, они сделали далеко не все, что запланировали. Урожай собрали не такой богатый, как в прошлом году, и два поля, которые предполагалось засеять свеклой и брюквой, пустовали, потому что их вовремя не распахали. Уже сейчас было ясно, что зима предстоит трудная.

При строительстве ветряной мельницы они столкнулись с совершенно неожиданными сложностями. На ферме имелся известняковый карьер, и не маленький. В одном из сараев обнаружили изрядный запас песка и цемента, так что все стройматериалы были в их распоряжении. Но возникла одна задача, которая поначалу поставила их в тупик: надо было разбить камни на куски потребного размера. Без лома и кирки тут не обойтись, а с ними животным не управиться: ведь никто из них не может стоять на задних ногах. Не одна неделя прошла, прежде чем нашли выход, а именно использовать силу тяжести. На дне карьера лежали громадные, непригодные для строительства валуны; обвязав валун веревкой, животные миром – коровы, лошади, овцы, буквально все, кто мог держать веревку, а когда валун грозил сорваться, даже свиньи – пядь за пядью, натужно, медленно втаскивали его вверх по откосу, затем сбрасывали на дно, и он разлетался на куски. Доставить разбитый камень не составляло особого труда. Лошади возили его телегами, овцы волокли камень за камнем, Мона и Вениамин на пару впрягались в обшарпанную повозку, чтобы внести посильный вклад в общее дело. К концу лета камня заготовили достаточно и под руководством свиней приступили к строительству.

Но строительство двигалось медленно, негладко. Нередко они бились чуть не целый день, а втаскивали наверх один-единственный валун, причем случалось и так, что сброшенный валун не разбивался. Им бы нипочем не справиться без Бойца: ведь силой он равнялся чуть не всем животным, вместе взятым. Если валун полз вниз, увлекая животных за собой, Боец налегал на веревку и удерживал его на месте. Когда он шаг за шагом поднимался по откосу, надрывно храпя, упираясь копытами, с белыми от мыла боками, животные с обожанием глядели на него. Кашка порой просила его беречь себя, не надрываться, но Боец и слушать ничего не хотел. Он считал, что с помощью двух лозунгов: «Я буду работать еще упорнее» и «Товарищ Наполеон всегда прав» – одолеет все трудности. И попросил петушка будить его поутру не на полчаса, а на три четверти часа раньше. Едва у него выдавалась такая редкая теперь свободная минута, он по своему почину спускался в каменоломню, нагружал телегу обломками валунов и самосильно втаскивал их на стройплощадку.

И все же, пусть животные и работали до изнеможения, лето они прожили неплохо. Кормили их хоть и не лучше, чем при Джонсе, но и не хуже. Зато в их положении имелось одно преимущество: теперь они кормили лишь себя, тогда как прежде на их шее сидели пять человек, притом прожорливых, – преимущество немаловажное, оно искупало многое. Вдобавок кое-какие работы животные выполняли и ловчее, и сноровистее: поля, к примеру, они пропалывали так дотошно, как людям и не снилось. К тому же прекратились потравы, а значит, отпала надобность отгораживать выгоны от пашен и, следовательно, чинить изгороди и ворота. Тем не менее этим летом – и чем дальше, тем чаще – не хватало то одного, то другого. Недоставало керосина, гвоздей, веревок, галет для собак, железа для подков, Скотный же Двор ничего подобного не производил и произвести не мог. А там ведь потребуются еще и семена, и минеральные удобрения, не говоря уж о лопатах, кирках и тому подобном, и, наконец, оборудование для мельницы. Каким путем все это раздобыть, они не представляли.

И однажды в воскресенье, когда животные пришли поутру за недельными нарядями, Наполеон объявил, что взял курс на новую политику. Отныне Скотный Двор начинает торговать с соседними фермами, но отнюдь не ради прибыли, а с целью получить товары, без которых им в настоящий момент никак не обойтись. «Задача

строительства ветряной мельницы для нас превыше всего», – сказал Наполеон. Вот почему он ведет переговоры о продаже стога сена, а также части урожая пшеницы текущего года, ну а там, если снова возникнет нужда в деньгах, они покроют ее за счет продажи яиц – в Уиллингдоне на них всегда спрос. Куры, сказал Наполеон, должны радоваться, что могут принести жертву: она позволит им внести личный вклад в строительство ветряной мельницы.

И снова животным стало несколько не по себе. Не иметь отношений с людьми, не заниматься торговлей, не пользоваться деньгами: разве после победы над Джонсом не были – среди прочих – приняты и такие решения? Что такие решения принимали, всем помнилось, во всяком случае, помнилось что-то вроде этого. Четыре подсвинка, те самые, которые возмутились, когда Наполеон отменил собрания, попытались было возразить, но собаки грозно зарычали, и они вмиг стихли. Овцы тут же грянули свое неизменное «Четыре ноги хорошо, две – плохо», и замешательство быстро сгладилось. Тогда Наполеон вскинул вверх ножку, требуя тишины, и объявил, что он уже обо всем договорился. Никому из них не придется вступать в сношения с людьми, что, безусловно, было бы крайне нежелательно. Эту ношу он целиком и полностью взвалит на себя. Некий мистер Сопли, ходатай, живущий в Уиллингдоне, согласился служить посредником между Скотным Двором и соседними фермами – каждый понедельник поутру он будет приходить за указаниями. В конце речи Наполеон, как всегда, провозгласил: «Да здравствует Скотный Двор!», потом животные исполнили «Твари Англии» и разошлись.

Позже Стукач обошел встревоженную скотину и навел порядок в умах. Никаких решений, запрещавших торговать и пользоваться деньгами, заверял он, никогда не только не принимали, но даже не ставили на голосование. Все это чистейшей воды выдумки, и, если проследить, кто их распускает, не исключено, что нити протянутся к Обвалу. Кое-кого из животных доводы Стукача все же не вполне убедили, но на них он прикрикнул: «Да вы что, товарищи, вам небось эти решения примерещились! У вас что, есть документы, их подтверждающие? Эти решения, они что, где-нибудь записаны?» И поскольку такие решения нигде не были записаны, животные поверили, что и впрямь ошиблись.

По понедельникам, согласно уговору, мистер Сопли навещал Скотный Двор. У этого продувного низкорослого субъекта с баками, кое-как пробавлявшегося посредничеством, хватило смекалки раньше других сообразить, что Скотному Двору не обойтись без ходатая и что тут можно огрести нешуточные комиссионные. Животные его боялись и старались по возможности избегать. Тем не менее вид стоящего на четвереньках Наполеона, который давал указания стоящему на двух ногах Сопли, преисполнял их чувством законной гордости и пусть не до конца, но примирял с новыми порядками. Надо сказать, что отношения их с людским родом в последнее время переменялись. Теперь, когда Скотный Двор процветал, люди ненавидели его не только не меньше, но еще пуще прежнего. Все они без исключения свято верили, что Скотный Двор рано или поздно разорится, а уж строительство ветряной мельницы тем паче никогда не будет закончено. Они сходились в пивных, чертили какие-то графики, убеждая друг друга, что ветряная мельница непременно рухнет, а если и не рухнет, то, во всяком случае, не будет работать. И тем не менее животные уж очень ловко управлялись с хозяйством, а потому люди волей-неволей испытывали к ним уважение. И вот доказательство: люди перестали называть Скотный Двор Господским Двором, а ведь прежде делали вид, что нового названия не существует. Перестали они также поддерживать Джонса, и тот понял, что Скотный Двор ему не вернуть, и подался в другие края. До сих пор Скотный Двор сносился с человеческим окружением исключительно через Сопли, однако ходили упорные слухи, что Наполеон предполагает заключить торговое соглашение то ли с мистером Калмингтоном из Плутней, то ли с мистером Питером из Склок, но, как было замечено, никогда с тем и другим одновременно.

Примерно в эту пору неожиданно для всех свиньи перебрались в хозяйский дом. И снова животные припомнили, что вроде бы было решение, запрещающее животным жить в хозяйском доме. И вновь Стукачу удалось убедить их, что они ошибаются. Свиньи, сказал он, думают за вас, поэтому им необходимо создать условия для работы. А вождя (последнее время он стал называть Наполеона вождем) положение просто обязывает жить в доме, а не в свинарнике. Тем не менее, когда животные прослышали, что свиньи не только едят в кухне и отдыхают в гостиной, но и спят на кроватях, кое-кто из них

встревожился. Боец и на это сказал лишь: «Товарищ Наполеон всегда прав», зато Кашка, которая вроде бы припомнила, что было принято решение, запрещающее спать на кроватях, отправилась к торцу амбара и долго таращилась на семь заповедей. Однако составить из отдельных букв слова не сумела и сходила за Моной.

– Мона, – попросила она, – прочти-ка мне четвертую заповедь. Она ведь запрещает спать в кроватях, разве нет?

Мона с трудом разобрала по складам:

– «Животное да не спит в кровати под простынями», так там написано, – доложила она наконец.

И вот что любопытно: Кашка не помнила, чтобы в четвертой заповеди говорилось о простынях, но раз так написано на стене, выходит, что говорилось. Стукач – а он очень кстати случился тут, и не один, а с парой-тройкой псов – представил дело в верном свете:

– Я так понимаю, товарищи, вы уже знаете, что мы, свиньи, стали спать в кроватях? А почему бы, спрашивается, и нет? Уж не считаете ли вы, что принималось решение, запрещающее спать в кроватях? Что такое кровать – всего-навсего место для сна. И строго говоря, какая разница, где спать – на кровати или в стойле, на охапке соломы? На самом деле запрещалось спать на простынях, потому что их изобрели люди. Мы сняли с хозяйских кроватей простыни и заменили их одеялами. Кровати, кстати сказать, очень удобные. Но не слишком удобные, а в самую меру, именно такие, скажу я вам, товарищи, и требуются нам, при том, какой ответственной работой мы занимаемся. Неужели вы хотите лишить нас отдыха, товарищи? Неужели вы хотите, чтобы мы валились с ног от усталости? Уж не хотите ли вы, товарищи, чтобы возвратился Джонс?

Животные заверили его, что ничего подобного у них и в мыслях не было, и разговоры о кроватях заглохли. И когда несколько дней спустя свиньи объявили, что будут вставать на час позже других, никто и не пикнул.

К осени животные подошли усталые, но довольные. Этот год дался им нелегко, часть сена и зерна пришлось продать, кормов на зиму было запасено негусто, зато ветряная мельница вознаграждала их за все. Строительство близилось к завершению. Урожай убрали, стояли ясные, погожие дни, животные трудились с небывалым подъемом – они были готовы таскать камни от зари до темна, лишь бы стены

ветряной мельницы стали хоть на полметра выше. Боец, тот даже ночью, урывая час-другой от сна, в одиночку таскал камень – благо перед осенним равноденствием было полнолуние. В редкие теперь минуты досуга животные гуляли вокруг недостроенной мельницы. Восхищались прочными ровными стенами, дивились сами себе: вот ведь какое величественное здание построили. Лишь старый Вениамин не разделял общего восторга, как водится, помалкивал и лишь изредка загадочно намекал: поживем, мол, увидим, ослиный век, он долгий.

Наступил ноябрь. С юго-запада налетели буйные ветры. Строительство пришлось прекратить: из-за сырости цемент не застывал. В довершение всего однажды ночью поднялась такая сильная буря, что стены сараев сотрясались, а с амбарной крыши кое-где сорвало черепицу. Куры проснулись, в ужасе раскудахтались: им всем разом приснилось, что неподалеку пальнули из ружья. Когда поутру животные высыпали наружу, флагшток валялся на земле, а вяз в конце сада выдернуло с корнем, как редиску. Но это было еще не все, и в отчаянии животные заголосили. Страшное зрелище открылось их глазам. Ветряная мельница лежала в руинах.

Все как один они бросились к ней. Наполеон, хотя обычно он считал ниже своего достоинства бегать, во весь опор мчался впереди. Да, ветряная мельница, в которую они вложили столько труда, была разрушена до основания, а камень, разбитый и привезенный ценой таких усилий, разметан. Онемев, животные подавленно смотрели на груды камней. Наполеон молча расхаживал взад-вперед, изредка тыкался в землю пяточком – принохивался. Хвост его раскрутился, он резко поводил им из стороны в сторону, что означало напряженную работу мысли. Внезапно он остановился как вкопанный: видимо, выработал наконец решение.

– Товарищи, – не повышая голоса, сказал он, – знаете ли вы, кто в этом виноват? Знаете ли вы, кто этот вредитель, который подкрался ночью и разрушил нашу мельницу? Обвал! – загремел он. – Обвал – вот кто ее разрушил! Кипя бешеной злобой, он задался предательской целью отбросить нас назад и отомстить за свое позорное изгнание; прокравшись под покровом темноты, этот предатель уничтожил плоды наших чуть не годовых трудов. Товарищи, я не сходя с места приговариваю Обвала к смерти. Тот, кто приведет приговор в исполнение, будет награжден медалью «Герой Скотного Двора» II

степени и ведром яблок. Тот, кто захватит его живым, получит два ведра яблок.

Когда животные узнали о злодеяниях Обвала, их возмущению не было предела. Даже от него они не ожидали такой низости. Вне себя от гнева, они, перекрикивая друг друга, изыскивали способы изловить Обвала, на случай если ему вздумается вернуться. И чуть не сразу на выгоне, неподалеку от взгорка, обнаружились следы свиных копыт. Цепочка следов тянулась метров десять, не больше – следы, казалось, ведут к дыре в изгороди. Наполеон принялся к ним и объявил, что это следы Обвала. Не иначе как Обвал, предположил Наполеон, скрывается в Плутнях.

– Промедление смерти подобно! – сказал Наполеон, когда следы были изучены. – За работу, товарищи! Без проволочек, сегодня же мы примемся восстанавливать ветряную мельницу, будем строить всю зиму, невзирая на любые преграды. Пусть этот жалкий предатель знает, что ему нас не остановить! Помните, товарищи, ничто не помешает нам осуществить наши планы! Они будут выполнены день в день. Вперед, товарищи! Да здравствует ветряная мельница! Да здравствует Скотный Двор!

Глава VII

Зима выдалась суровая. Бури сменились слякотью, снегом, затем грянули морозы, вот уж и февраль на исходе, а они все еще не отступили. Животные не щадя сил трудились над восстановлением ветряной мельницы: ведь человеческое окружение не спускало с них глаз, и, если они не построят ветряную мельницу к намеченному сроку, легко себе представить, какое ликование поднимется в стане злопыхателей-людей.

В пику животным люди притворялись, будто не верят, что ветряную мельницу разрушил Обвал; они утверждали, что нельзя было делать такие тонкие стены. Но животные знали, что не в этом суть. На всякий случай все же решили сделать стены не в сорок сантиметров, а в метр толщиной, ну а для этого, естественно, потребуется куда больше камня. Карьер долго стоял под снегом, и начать работы было невозможно. Затем пошли сухие морозные дни, и дело продвинулось, но работать было так тяжело, что они даже пали духом. Их постоянно мучил холод, а нередко и голод. Лишь Боец и Кашка не теряли бодрости. Стукач красноречиво доказывал им, что труд у них на ферме – дело чести и доблести. Но животных вдохновляли не его речи, а пример не знающего усталости Бойца с его неизменным «Я буду работать еще упорнее!».

В январе стало не хватать кормов, выдачу зерна сильно урезали и скотине объявили, что взамен зерна выдадут побольше картошки. И тут обнаружилось, что почти весь урожай картошки замерз в буртах – их не прикрыли на зиму. Чуть не вся картошка почернела, потекла. Животным случалось по целым дням не есть ничего, кроме мякины и кормовой свеклы. Над фермой нависла угроза голода.

Никак нельзя было допустить, чтобы этот факт стал достоянием человеческого окружения. Раззадоренные неудачей с ветряной мельницей, люди стали с новой силой клеветать на Скотный Двор. Они опять вытащили на свет Божий старые выдумки, будто животные подышают от голода и болезней, будто у них вечные междоусобицы и они докатились до пожирания себе подобных и детоубийства. Наполеон понимал: если люди проведуют, как у них плохо с кормами,

еще неизвестно, к чему это приведет. И решил противодействовать, используя для этого мистера Сопли. До сих пор во время еженедельных визитов мистера Сопли на Скотный Двор животные держались от него на почтительном расстоянии, теперь же кое-кому из доверенных животных, по преимуществу овцам, велели, как бы невзначай приблизившись к мистеру Сопли, обронить, что пайки, мол, сильно увеличились. Мало того, Наполеон распорядился наполнить почти пустые сусеки в житнице до краев песком, а сверху присыпать песок остатками зерна и муки. Под удобным предлогом мистера Сопли провели по житнице так, чтобы он мог невзначай бросить взгляд на сусеки. Он проглотил наживку и доложил людям, что на Скотном Дворе с кормами полный порядок.

И все равно на исходе января стало ясно, что хочешь не хочешь, а зерно придется где-то добывать. Наполеон теперь редко выходил, он засел в хозяйском доме – там его и с парадного и с черного хода охраняли устрашающего вида псы. Редкие его выходы обставлялись в высшей степени торжественно: за ним неизменно следовала свита из шестерых псов, которые окружали его плотным кольцом и грозно рычали на каждого, кто осмеливался к нему приблизиться. Он и воскресные-то собрания перестал посещать, а наряды перепоручал распределять кому-нибудь из свиней, чаще всего Стукачу.

И вот однажды на воскресном собрании Стукач объявил, что курам – а они только-только снова начали нестись – придется сдать яйца. Мистер Сопли предложил Наполеону заключить договор на поставку четырехсот яиц в неделю. Деньги, вырученные за яйца, пойдут на покупку зерна и муки, так они продержатся до лета, а там уж жить станет легче.

Куры подняли дикий крик. Их, правда, предупреждали, что от них может потребоваться такая жертва, но они не верили, что до этого дойдет. Они уже готовились высиживать цыплят; как-никак скоро весна, и, если у них заберут сейчас яйца, заявили они, это равносильно убийству. Впервые с тех пор, как прогнали Джонса, на Скотном Дворе случилось восстание не восстание, но что-то вроде. Под предводительством трех молоденьких черных минорок куры решительно воспротивились приказам Наполеона. И как – взобравшись на балки, откладывали там яйца, и те, естественно, падали и разбивались вдребезги. Наполеон подавил сопротивление

молниеносно и беспощадно. Он распорядился лишить кур пайка и приказал казнить каждого, кто посмеет передать хоть одно зерно курице. Псы следили, чтобы приказ Наполеона не нарушался. Куры продержались пять дней, потом сдались и стали класть яйца где положено. Девять кур сдохли. Их схоронили в саду и объявили, что они умерли от кокцидиоза. Мистер Сопли ничего об этих событиях не узнал, ну а яйца доставлялись своевременно – и бакалейщик раз в неделю присылал за ними фургон.

Обвал меж тем не показывался. Поговаривали, что он прячется на соседней ферме, не то в Плутнях, не то в Склоках. Отношения Наполеона с соседями слегка улучшились. Дело в том, что на Скотном Дворе обнаружился штабель леса – его сложили здесь лет десять назад, когда расчищали буковую рощицу. Лес хорошо вылежался, и Сопли посоветовал Наполеону продать его. Оба, и мистер Калмингтон, и мистер Питер, зарились на бревна. Наполеон колебался, не знал, кого предпочесть. Было замечено: когда Наполеон намеревался заключить соглашение с мистером Питером, объявлялось, что Обвал прячется в Плутнях, если же Наполеон склонялся к союзу с Калмингтоном, говорилось, что Обвал скрывается в Склоках.

Ранней весной, как гром среди ясного неба, ферму потрясла весть. Оказывается, Обвал по ночам тайно проникал на ферму. Животные взбудоражились, по ночам ворочались без сна в стойлах. Рассказывали, что каждую ночь Обвал прокрадывается под покровом темноты и занимается вредительством. Крадет зерно, переворачивает подойники, давит яйца, топчет посевы, грызет кору на деревьях в саду. Какие бы неполадки ни случались на ферме, в них неизменно винили Обвала. Разбивалось ли окно, засорялась ли труба – обязательно кто-нибудь заявлял, что тут не обошлось без Обвала: не иначе как он приходил ночью, и когда пропал ключ от житницы, все были убеждены, что Обвал бросил его в колодец. И вот что любопытно: позже ключ отыскался под мешком муки, но животные по-прежнему приписывали пропажу Обвалу. Коровы дружно жаловались, что Обвал пробирается в коровник и доит их во сне. И про крыс, от которых этой зимой не стало житья, тоже говорили, что они в сговоре с Обвалом.

Наполеон постановил досконально расследовать деятельность Обвала. В сопровождении эскорта псов он обошел и тщательно осмотрел все службы, за ними чуть поодаль следовали остальные

животные. Каждые несколько шагов Наполеон останавливался, прикинул к земле, искал следы Обвала – Наполеон говорил, что чувствует их нюхом. Наполеон обнюхал во всех углах амбар, коровник, курятник, огород и чуть не везде находил следы Обвала. Он прикладывал пяточек к земле, раз-другой-третий глубоко втягивал воздух и леденящим кровь голосом возвещал: «Обвал! Он был здесь! Я чую его запах!» – и при слове «Обвал» псы рычали так, что кровь стыла в жилах, и скалили зубы.

Животные были запуганы до предела. Их не оставляло ощущение, что незримый Обвал всемогущ, что им проникнут самый воздух, что он грозит им неисчислимыми бедствиями. Вечером Стукач собрал животных и с убитым видом сказал, что должен сообщить им важное известие.

– Товарищи! – кричал Стукач, возбужденно приплясывая. – Нами обнаружено страшное преступление. Обвал запродавался Питеру из Склок, который и сейчас не оставил свои планы напасть на нас и захватить нашу ферму! Обвал будет у него проводником. Но за Обвалом числятся дела и похуже. Мы думали, что Обвала побудили затеять смуту тщеславие и жажда власти. Мы жестоко ошибались, товарищи. Знаете, в чем истинная причина? Обвал с самого начала вступил в сговор с Джонсом! Обвал всегда был тайным агентом Джонса. Доказательство тому – забытый им впопыхах документ, который мы только что обнаружили. Я считаю, товарищи, что это проливает свет на многие факты. Разве мы не видели, как Обвал добивался – к счастью, безуспешно – нашего разгрома в Бою под коровником?

Животные остолбенели. Перед таким злодейством померкло даже разрушение ветряной мельницы. И все же это никак не укладывалось ни у одного из них в голове. Им помнилось, во всяком случае вроде бы помнилось, что Обвал первым бросился на врага в Бою под коровником, что он спланировал и подбадривал их на каждом шагу и не отступил, даже когда Джонс всадил заряд дроби ему в спину. Поначалу они никак не могли взять в толк: если Обвал продался Джонсу, как это увязать с его храбрым поведением в бою? Даже Боец, а его редко посещали сомнения, и тот был озадачен. Он лег, подоткнул под себя копыта, прикрыл глаза и ценой невероятных усилий сформулировал наконец свои мысли.

– Не верю, – сказал он. – Обвал храбро дрался в Бою под коровником. Я видел это своими глазами. Разве мы не присвоили ему за этот бой звание Героя Скотного Двора I степени?

– Мы допустили ошибку, товарищ. Как стало известно из обнаруженных нами новых секретных документов, Обвал заманил нас в ловушку, чтобы обречь на гибель.

– Но его ранило, – сказал Боец. – Все видели, что он истекал кровью.

– Это было одним из условий их соглашения, – напирал Стукач. – Пуля Джонса только оцарапала Обвала. Я показал бы вам документ – если бы вы могли его прочесть, где Обвал черным по белому пишет об этом. Они с Джонсом уговорились, что в решающий момент Обвал подаст сигнал к отступлению и оставит поле боя врагу. И ведь этот план едва не осуществился, скажу больше, товарищи, он наверняка бы осуществился, если бы не наш доблестный вождь товарищ Наполеон. Разве вы не помните: в тот самый момент, когда Джонс со своими работниками проникли во двор, Обвал обратился в бегство и многих увлек за собой? Разве вы не помните: когда всех охватила паника и поражение казалось неминуемым, товарищ Наполеон с криком «Смерть человечеству!» бросился вперед и впился зубами Джонсу в ногу? Уж это-то, товарищи, вы не можете не помнить!

Теперь, когда Стукач так наглядно все описал, животным что-то такое припомнилось. Во всяком случае, им помнилось, что в решительный момент Обвал повернулся и бросился бежать. Бойца все же не оставляли сомнения.

– Я не верю, что Обвал с самого начала вступил на путь предательства, – подытожил он свои мысли. – Потом – другое дело, потом он мог на него скатиться. Но я верю, что в Бою под коровником он сражался с нами плечом к плечу.

– Наш вождь товарищ Наполеон, – отдельно и веско сказал Стукач, – решительно, повторяю, товарищи, решительно заявил, что Обвал продался Джонсу с самого начала, да, да, еще задолго до восстания, когда мы и не помышляли о нем.

– Тогда другое дело, – сказал Боец. – Если так говорит товарищ Наполеон, значит, так оно и есть.

– Вот это правильный подход, товарищ! – выкрикнул Стукач, но было замечено, что его бегающие глазки со злобой впились в Бойца.

Он уже собрался было уходить, но в последний момент задержался. – Я предупреждаю, – внушительно добавил он, – что вы должны быть бдительными. Есть основания полагать, что агенты Обвала и сейчас рыщут среди нас!

А спустя четыре дня ближе к вечеру Наполеон велел животным собраться во дворе. Когда все сошлись, Наполеон при медалях (недавно он присвоил себе звание Героя Скотного Двора I степени и Героя Скотного Двора II степени), в сопровождении девяти здоровенных псов, которые вились вокруг него и рычали так, что у животных бегали по коже мурашки, вышел из хозяйского дома. Животные примолкли, сжались – будто предчувствуя, что надвигается нечто страшное.

Наполеон грозно обозрел собравшихся и пронзительно взвизгнул. Псы метнулись вперед, схватили четырех подсвинков за уши и, верещащих от боли и страха, приволокли к ногам Наполеона. У подсвинков из порванных ушей капала кровь, от запаха крови псы словно взбесились. Трое из них бросились на Бойца, чем привели животных в полное недоумение. Но Боец не оплошал, он взлягнул ногой, поддел одного из псов на лету и здоровенным копытом пригвоздил к земле. Пес молил о пощаде, двое его товарищей, поджав хвосты, бежали. Боец взглядом спросил у Наполеона, что делать с псом – раздавить или отпустить. Наполеон, заметно изменившись в лице, строго приказал Бойцу отпустить пса, Боец приподнял копыто, и помятый пес уполз скуля.

Вскоре суматоха улеглась. Четверо подсвинков, трепеща, ожидали решения своей участи, весь их вид выражал глубокую вину, Наполеон призвал их признаться в своих преступлениях. Это были те самые подсвинки, которые возмутились, когда Наполеон отменил воскресные собрания, – кто же еще. Они тут же признали, что после изгнания Обвала вступили с ним в тайные сношения, помогли ему разрушить ветряную мельницу и вошли с ним в сговор с целью отдать Скотный Двор в руки мистера Питера. Обвал, добавили они, открыл им, что издавна состоял на службе у Джонса. После чего они замолчали, псы вмиг загрызли всех четверых, а Наполеон наводящим ужас голосом спросил, есть ли среди животных такие, которые чувствуют за собой вину.

Три курицы, зачинщицы яичного бунта, выступили вперед и заявили, что Обвал являлся им во сне и подстрекал их не подчиняться Наполеоновым приказам. Их тоже зарезали. Затем вперед вышел гусь и сознался, что, убирая в прошлом году урожай, утаил шесть колосков, а ночью их съел. Затем овца созналась, что помочилась в пруд, и сказала, что подбил ее на это опять же Обвал, а две другие овцы сознались, что угробили старого барана, особо преданного сторонника Наполеона; барана бил кашель, а они нарочно гоняли его вокруг костра. Их тоже прикончили прямо на месте. Признания чередовались с казнями. Вскоре у ног Наполеона громоздилась гора трупов, а в воздухе сгустился запах крови, забытый животными с тех самых пор, как они прогнали Джонса.

Когда казни кончились, уцелевшие животные, за исключением свиней и собак, сбившись в кучу, побрели со двора. Потерянные, раздавленные. Они не понимали, что их больше потрясло – предательство товарищей, вступивших в сговор с Обвалом, или суровое возмездие, которое настигло их. Прежде им тоже случалось быть свидетелями кровопролитий, и не менее жестоких, но теперь свои убивали своих, а это – и тут все были едины – куда хуже. С тех пор как они прогнали Джонса и вплоть до сегодняшнего дня не было ни одного убийства. Крысы и той не убили. Они взобрались на взгорок и все, как один, легли у недостроенной мельницы, тесно прижавшись друг к другу, – их знобило: Кашка, Мона, Вениамин, коровы, овцы, вся птица – гуси и куры, все, кроме кошки. Она, перед тем как Наполеон велел собраться, куда-то запропастилась. Поначалу все молчали. Не лег один Боец. Он переминался с ноги на ногу, хлестал себя длинным черным хвостом по бокам, время от времени недоуменно ржал. И наконец подытожил свои мысли:

– Ничего не понимаю. Никогда бы не поверил, что такое может случиться на нашей ферме. Наверное, мы сами виноваты. Я вижу единственный выход – работать еще упорнее. Отныне я буду вставать не на три четверти часа, а на час раньше.

И грузно зарысил в каменоломню. А там набрал камня и до ночи отвез сначала одну, потом другую телегу к ветряной мельнице.

Животные сбились вокруг Кашки, но разговаривать не разговаривали. Со взгорка им открылись дали. Отсюда как на ладони была видна чуть не вся округа: выгон, тянувшийся к большаку, луг,

рощица, пруд, куда они ходили на водопой, вспаханное поле, где зеленели густые всходы пшеницы, красные крыши служб, над трубами которых курился дымок. Стоял погожий весенний вечер. Лучи заходящего солнца золотили траву, на живых изгородях проклюнулись почки. Любовь к своей ферме – и тут они не без удивления вспомнили, что это же их ферма, она же отошла к ним! – нахлынула на них с небывалой силой. Кашка поглядела вниз, глаза ее заволоклись слезами. Умей она выразить свои мысли, она бы сказала: разве к этому они стремились, когда много лет назад решили во что бы то ни стало свергнуть род людской? Разве кровавые казни виделись им в ту ночь, когда старый Главварь впервые призвал их к восстанию? Если ей тогда и рисовались картины будущего, она представляла его себе союзом скотины, – где нет места голоду и угнетению, где все равны, где труд – дело чести, где сильный ограждает слабого, как она оградила ногой отбившихся от матери утят в ту ночь, когда Главварь произнес свою речь. Но ничего этого нет, и наступило время – а почему, она не понимает, – когда никто не решается говорить в открытую, когда повсюду рыщут свирепые псы и когда твои товарищи сознаются в чудовищных преступлениях и их рвут на части на твоих глазах. У нее и в мыслях не было ни восстать, ни даже послушаться. Она понимала, что при всем при том им живется не в пример лучше, чем во времена Джонса, и что главное сейчас – не допустить возвращения людей. Что бы ни случилось, она останется верной их делу, будет работать не щадя сил, выполнять все, что от нее потребуют, и идти по пути, намеченному Наполеоном. Все так, но разве об этом она и ее товарищи мечтали, разве для этого они трудились? Нет, не для этого они строили ветряную мельницу, не для этого, рискуя жизнью, шли под пули Джонса. Вот какие мысли одолевали Кашку, хоть она и не умела их выразить.

В конце концов, так и не найдя слов, она, чтобы дать выход охватившим ее чувствам, запела «Твари Англии». Животные дружно подхватили песню и пропели ее три раза кряду. Пели стройно, но протяжно и заунывно, никогда раньше они так не пели.

Только они спели песню в третий раз, как на взгорок в сопровождении двух псов поднялся Стукач, – судя по его виду, у него было важное известие. Стукач объявил, что особым указом товарища

Наполеона «Твари Англии» отменяются. Отныне на их исполнение наложен запрет.

Животные оторопели.

– Почему? – не удержалась от вопроса Мона.

– Потому что эта песня отжила свое время, – многозначительно сказал Стукач. – «Твари Англии» звали к восстанию. Но восстание завершено. Последним его этапом была сегодняшняя казнь изменников. Мы сокрушили внутреннего и внешнего врага. «Твари Англии» выражали нашу мечту об обществе будущего, о лучшем обществе. Сейчас такое общество построено. И этой песне некуда нас звать.

Как животные ни были запуганы, наверняка нашлись бы среди них и такие, которые возмутились бы, но овцы завели свое неизменное «Четыре ноги хорошо, две – плохо» и блеяли минут десять, так что какие уж тут дискуссии.

И «Твари Англии» больше никогда не пели. Вместо них поэт Последыш сочинил другую песню, начиналась она так:

Наш Скотный Двор, наш Скотный Двор,
Твоим врагам я дам отпор.

Ее пели каждое воскресенье после поднятия флага. Но животные считали, что и мотив, и слова ни в какое сравнение не идут с «Тварями Англии».

Глава VIII

А спустя несколько дней после казней, когда животные понемногу отошли от сковавшего их страха, кому-то вспомнилось, во всяком случае вроде бы вспомнилось, что шестая заповедь гласит: «Животное да не убьет другое животное!» Все чувствовали, что недавние убийства противоречат шестой заповеди, хоть и остерегались говорить об этом при свиньях и собаках. Кашка попросила Вениамина прочесть ей шестую заповедь. Она гласила: «Животное да не убьет другое животное без причины». Почему-то последние два слова изгладились у животных из памяти. Зато они поняли, что шестую заповедь не преступили: ведь убили изменников, которые вошли в сговор с Обвалом, – это ли не причина, и вполне веская.

Последний год они работали еще упорнее, чем предыдущий. Восстановить ветряную мельницу, вдобавок со стенами вдвое толще прежних, закончить ее к намеченному сроку, учитывая, что работы по хозяйству с них тоже никто не снимал, стоило невероятных усилий. Бывали времена, когда им казалось, что они работают дольше, а кормят их не лучше, чем при Джонсе. Поутру в воскресенье Стукач, придерживая длинную полоску бумаги ножкой, зачитывал им столбцы цифр, доказывавшие, что производство всех видов кормов возросло когда на двести, когда на триста, а когда и на пятьсот процентов. Причин не доверять Стукачу они не видели, особенно если учесть, что успели основательно забыть, как им жилось до восстания. Хотя при всем том бывали дни, когда они предпочли бы, чтобы их кормили не цифрами, а чем-то более существенным.

Все указания теперь передавались через Стукача или через кого-нибудь еще из свиней. Сам Наполеон показывался не чаще чем раз в полмесяца. Когда же наконец он появлялся, мало того что позади него тянулась псиная свита, но еще и впереди на манер глашатая выступал черный петушок – он предварял Наполеоновы речи оглушительным «кукареку». Рассказывали, что в хозяйском доме Наполеон занимает отдельные покои. Ел он тоже один, за едой ему прислуживали двое псов, и ел он на фарфоровом сервизе, который при Джонсе вынимался из горки в гостиной лишь в торжественных случаях. Было также

объявлено, что ружейным залпом, помимо двух других дат, будет отмечаться и день рождения Наполеона.

Наполеона теперь называли не просто Наполеоном, а лишь сугубо официально – нашим вождем товарищем Наполеоном, и свиньи старались перещеголять одна другую, изобретая для него все новые титулы: Отец Животных Всего Мира, Гроза Рода Человеческого, Мудрый Пастырь, Лучший Друг Утят и тому подобные. Стукач произносил речи о Наполеоновой мудрости, доброте ко всем животным и особенно к угнетенным животным соседних ферм, прозябавшим в невежестве и рабстве. Стало привычным любое достижение, любую удачу приписывать Наполеону. Нередко можно было услышать, как одна курица говорит другой: «Под водительством товарища Наполеона мне удалось снести пять яиц за шесть дней» или как две коровы на водопое восхищаются: «До чего же вкусная сегодня вода, и все благодаря мудрому руководству нашего вождя товарища Наполеона». Лучшее всего чувства скотины выразило стихотворение Последыша под названием «Товарищ Наполеон»; вот оно:

Осиротелых отец!
Радости нашей кузнец!
Хозяин помойных ведер!
Как солнце на небосклон
Взошел ты! Я видеть рад
Спокойный твой, твердый взгляд,
Не ведаешь ты преград,
Товарищ Наполеон!

Руководитель наш,
Нам все, что мы любим, дашь,
Корм – дважды набить живот,
Подстилку, чтоб слаще сон;

Вся тварь в хлеву улеглась,
Один ты в полночный час
Не спишь, заботясь о нас,
Товарищ Наполеон!
Пускай поросенок мой

С поллитру всего собой,
И все же обязан он

Отнюдь не отца, не мать,
А лишь тебя почитать
И преданно пропищать:
«Товарищ Наполеон!»

Наполеон стихотворение одобрил и велел начертать его на другом торце большого амбара, напротив семи заповедей. Венчал стихотворение портрет Наполеона в профиль работы Стукача, выполненный белой краской.

Тем временем при посредстве мистера Сопли Наполеон затеял запутанные переговоры с Питером и Калмингтоном. Лес все еще не был продан. Из двоих сильнее зарился на штабель Питер, но при этом настоящей цены не давал. И опять пошли слухи, что Питер со своими работниками готовится напасть на Скотный Двор, разрушить ветряную мельницу, которая вызывала у него бешеную зависть. Передавали, что Обвал по-прежнему скрывается в Склоках. В разгар лета стало известно: три курицы добровольно признались, что Обвал подбил их устроить заговор с целью убить Наполеона, – животных это сообщение очень встревожило. Кур тут же казнили и приняли дополнительные меры, обеспечивающие безопасность Наполеона. Теперь его кровать по ночам охраняли четыре пса, по псу на каждый угол, а поросенку по имени Буркало поручили, чтобы Наполеона не отравили, отведывать его еду.

Приблизительно в эту же пору стало известно, что Наполеон договорился продать лес мистеру Калмингтону, а также учредить постоянный обмен некоторыми товарами между Скотным Двором и Плутнями. Отношения между Наполеоном и Калмингтоном, хоть они и велись исключительно через Сопли, стали чуть ли не дружественными. У животных Калмингтон, как и люди вообще, доверия не вызывал, но они предпочитали его Питеру, которого ненавидели и боялись. Чем ближе было к завершению строительство ветряной мельницы, а его предполагали закончить к осени, тем упорнее становились слухи о том, что Питер готовит вероломное

нападение. Поговаривали, что Питер собирается послать на Скотный Двор двадцать работников, вооруженных ружьями, что он подкупил власти и полицию, и если он прикарманит купчую крепость на Скотный Двор, они пальцем не пошевельнут. Мало того, по сведениям, просочившимся из Склок, Питер зверски измывался над своей скотиной. Он забил насмерть старую клячу, морил голодом коров, кинул в топку пса, а по вечерам стравливал петухов, и не просто стравливал, а еще привязывал им к шпорам обломки бритвенных лезвий – так он развлекался. У животных кипела кровь, когда они слышали, как терзают их товарищей, и они рвались – пусть только им разрешат – пойти в поход на Склоки, выгнать оттуда людей и дать тамошним животным волю. Но Стукач советовал набраться терпения и положиться на прозорливость товарища Наполеона.

Тем не менее во всех клокотал гнев на Питера. И однажды в воскресенье Наполеон пришел в амбар и объяснил скотине, что никогда не собирался продавать лес Питеру: иметь дело с подобным мерзавцем значило бы уронить себя. Голубям, которых по-прежнему рассылали призывать животных соседних ферм к восстанию, велели облетать Плутни стороной, а лозунг «Смерть человечеству!» заменить на лозунг «Смерть Питеру!». На исходе лета было раскрыто еще одно злодеяние Обвала. Пшеница густо заросла сорняками – и что же вышло на поверку: оказывается, Обвал, проникавший по ночам на ферму, подмешал к семенам пшеницы семена сорняков. Молодой гусак, посвященный в этот заговор, пришел с повинной к Стукачу и тут же покончил жизнь самоубийством, наглотавшись ягод красавки. Животных также уведомили, что Обвал никогда – и откуда только они это взяли? – не получал Героя Скотного Двора I степени. Это всего-навсего легенда, которую распространил вскоре после Боя под коровником сам Обвал. Его не только не наградили, а еще и сурово наказали за проявленную в бою трусость. И опять же нашлись животные, которых это сообщение привело в некоторое замешательство. Но Стукач быстро внушил им, что их просто-напросто подводит память.

Осенью ценой невероятного, непосильного труда – ведь почти в то же время проходила уборка урожая – строительство ветряной мельницы закончили. Предстояло еще установить оборудование, и Сопли уже вел переговоры о его покупке, но само строительство

завершили. Невзирая на все трудности, несмотря на отсутствие опыта и техники, на преследующие их неудачи, на вредительство Обвала, они закончили работу в намеченный срок – день в день! Усталые, но гордые животные ходили вокруг мельницы, и она казалась им еще более прекрасной, чем тогда, когда они возвели ее впервые. Не говоря уж о том, что стены мельницы на этот раз были вдвое толще. Теперь без взрывчатки их не разрушить! И когда они думали, сколько трудов положили, причем не падали духом, хоть и было отчего, а также о том, как изменится их жизнь, когда замашут крылья мельницы и заработает генератор, так вот, когда они думали обо всем этом, они забывали об усталости и с ликующими криками пускались в пляс вокруг ветряной мельницы. Даже Наполеон и тот в сопровождении псов и Стукача явился осмотреть мельницу, лично поздравил скотину с успешным завершением строительства и объявил, что мельнице будет присвоено его имя.

А спустя два дня животных созвали в амбар на внеочередное собрание. Они не поверили своим ушам, когда Наполеон объявил, что продал лес Питеру. Завтра Питер пришлет фургоны и начнет перевозить лес. Оказывается, пока Наполеон для виду дружил с Калмингтоном, он вел тайные переговоры с Питером.

Отношения с Плутнями были прерваны, Калмингтону послали оскорбительную ноту. Голубям запретили садиться в Склоках, лозунг «Смерть Питеру!» отменили и велели провозглашать «Смерть Калмингтону!». Далее Наполеон заверил животных, что слухи о готовящемся нападении на Скотный Двор не имеют под собой почвы и что Питер далеко не так жестоко обращается со своей скотиной, как о том рассказывают. Эти слухи скорее всего распускают Обвал и его подручные. Выяснилось, что Обвал не только никогда не прятался в Склоках, но и вообще там не был; он живет, и, как говорят, припеваючи, в Плутнях: ведь он давным-давно продан Калмингтону.

Свиньи восхваляли до небес Наполеонову мудрость. Заведя для виду дружбу с Калмингтоном, он вынудил Питера дать за лес на двенадцать фунтов больше. Но непревзойденная прозорливость Наполеона, сказал Стукач, проявилась в том, что он не доверяет никому, даже Питеру. Питер хотел заплатить за лес чеком, ну а чек ведь всего лишь бумажка, пусть на ней и стоит обязательство заплатить. Но Наполеона не провести, он потребовал, чтобы Питер заплатил не

каким-то чеком, а купюрами по пять фунтов и не после того, как бревна увезут, а до. Кстати, Питер уже выложил денежки, их вполне хватит на оборудование для ветряной мельницы.

Меж тем лес спешно увозили. Когда на дворе не осталось ни одного бревна, животных созвали в амбар на внеочередное собрание и показали им полученные от Питера купюры. Наполеон при обеих медалях возлежал на раскиданной по помосту соломе, милостиво улыбаясь, а рядом с ним, на фарфоровом блюде с хозяйской кухни, помещалась аккуратная пачечка денег. Животные гуськом тянулись мимо, и каждый мог удовлетворить свое любопытство. Боец понюхал купюры – от его дыхания тоненькие белесые листочки зашевелились, зашуршали.

А три дня спустя поднялся чудовищный тарарам. Бледный как смерть Сопли примчался на велосипеде, бросил его во дворе и опрометью кинулся в хозяйский дом. И чуть не тут же из Наполеоновых покоев донесся приглушенный вопль ярости. Новости, как лесной пожар, распространились по Скотному Двору. Купюры оказались фальшивыми! Питер получил бревна задаром!

Наполеон тут же созвал животных и леденящим кровь голосом провозгласил смертный приговор Питеру. «Когда мы поймаем Питера, – сказал он, – мы сварим его живьем». И сразу предупредил, что после такого вероломства надо готовиться к худшему. Не сегодня завтра Питер и его работники осуществят нападение на Скотный Двор, которого они давно ожидали. На подходе к Скотному Двору выставили часовых. Помимо того, в Плутни отправили четырех голубей с миролюбивым посланием, надеясь таким образом восстановить добрые отношения с Калмингтоном.

Но на следующее же утро Питер напал на Скотный Двор. Животные собирались завтракать, когда примчались дозорные и сообщили, что Питер и его приспешники миновали тесовые ворота и идут к Скотному Двору. Животные не оробели, выступили им навстречу, но на этот раз победа далась им нелегко, не то что в Бою под коровником. На них шли полтора десятка человек, вооруженных полдюжиной ружей; приблизившись на полсотни метров, они открыли огонь. Оглушительные залпы, жгучий град дробы – такого животные не ожидали, и, как ни подбадривали их Наполеон и Боец, они отступили. Многие были уже ранены. Поправившись по сараям, они

осторожно выглядывали оттуда сквозь щели и дыры в досках. Весь длинный выгон вместе с ветряной мельницей отошел в руки захватчиков. Даже сам Наполеон, похоже, растерялся. Он молча расхаживал взад-вперед, поводя из стороны в сторону раскрутившимся хвостом. Время от времени его глаза с тоской устремлялись на Плутни. Приди Калмингтон со своими людьми им на помощь, они бы еще смогли отбросить захватчиков. Но тут вернулись четверо голубей, посланных накануне к Калмингтону. Один из них держал в клюве клочок бумаги. На нем рукой Калмингтона было написано: «Так тебе и надо».

А Питер и его работники меж тем уже подступали к ветряной мельнице. Животные не спускали с них глаз. Ропот ужаса пробежал по рядам. Двое работников притащили лом и кувалду. Они собирались разрушить мельницу.

– Не бывать этому! – крикнул Наполеон. – У нашей мельницы такие толстые стены, что им с ней не совладать. Ее и за неделю не снести. Мужайтесь, товарищи!

Но Вениамин пристально следил за работниками. Двое с кувалдой и ломом пробивали дыру прямо над основанием мельницы. Вениамин лениво помахивал длинной мордой – можно подумать, его забавлял такой поворот событий.

– Именно этого я и ожидал, – сказал он. – Знаете, что сейчас будет? Они засыпят дыру порохом.

Животные замерли в испуге. Теперь-то они и подавно не решились бы выйти из укрытий. Через несколько минут работники разбежались. Раздался оглушительный взрыв. Голуби взмыли в воздух, остальные животные, за исключением Наполеона, пали ничком и зарыли морды в землю. Когда они поднялись, над взгорком стояло облако черного дыма. Постепенно ветерок разогнал его. Мельница исчезла!

И тут к животным вернулось мужество. Гнусное злодейство вызвало у них такой приступ ярости, что они побороли страх и отчаяние. Жажда мести обуяла животных, и, не дожидаясь приказаний, они с криками дружно бросились на врага. На этот раз жгучий град дробин не обратил их вспять. Бой шел не на жизнь, а на смерть. Люди безостановочно палили из ружей, а когда животные приблизились, принялись охаживать их дубинками и кованными сапогами. Корова, три

овцы и два гуся были убиты наповал, едва ли не все остальные получили ранения. Даже у Наполеона, хоть он и руководил боем из тыла, дробиной срезало кончик хвоста. Но и людям тоже здорово досталось. Троим проломил копытом голову Боец, четвертому вспорола рогом живот корова, с пятого чуть не сорвали штаны Роза и Ромашка. А когда девять псов из личной охраны Наполеона, которым он приказал обойти людей с фланга, со свирепым лаем бросились на них, людей охватила паника. Они поняли – им грозит окружение. Питер кричал, чтобы они отступили, пока кольцо не сомкнулось, и вот уже трусливый враг удирает во весь опор. Животные гнали людей до самой границы и пинали и тогда, когда те уже продирались сквозь терновую изгородь.

Победа осталась за животными, но они валялись от усталости, из ран их текла кровь. Кое-как доковыляли они до Скотного Двора. Вид трупов дорогих сердцу товарищей, разбросанных там и сям по полю, вызвал у многих слезы на глазах. На месте, где недавно высилась ветряная мельница, они постояли в скорбном молчании. Да, от мельницы не осталось и следа, все труды пошли насмарку! Даже основание и то было почти разрушено. Когда восстанавливали мельницу в прошлый раз, они хотя бы могли вновь использовать камень, а теперь и этого нет. Теперь никаких камней поблизости не было. Взрыв разбросал их далеко-далеко, на сотни метров. Можно было подумать, что мельницы никогда не было и в помине.

Уже на подходе к Скотному Двору к ним, крутя хвостиком, подскочил расслаившийся Стукач, который почему-то воздержался от участия в бою. И тут же в саду грянул залп – интересно, что сегодня за торжество?

– В честь чего пальба? – спросил Боец.

– В честь нашей победы! – выкрикнул Стукач.

– Какой победы? – спросил Боец.

Колени у него были ободраны, в задней ноге застрял заряд дробы, он потерял подкову, повредил копыто.

– Какой победы, товарищ? Да разве мы не освободили нашу землю, священную землю Скотного Двора, от захватчиков?

– Но они разрушили ветряную мельницу, а мы целых два года строили ее!

– Ну и что? Построим другую. Построим хоть десять мельниц, стоит нам только захотеть. А ты, товарищ, похоже, не понимаешь, какой подвиг мы совершили. Ведь враг захватил эту землю, ту самую землю, на которой мы с тобой стоим. А мы благодаря мудрому водительству товарища Наполеона завоевали ее пядь за пядью.

– Это что же получается – мы завоевали свою же землю? – спросил Боец.

– В этом и есть наша победа, – сказал Стукач.

Они кое-как доковыляли до фермы. Застрявшие под шкурой дробины жгли огнем ногу Бойца. Он понимал, сколько трудов потребуется, чтобы восстановить ветряную мельницу – ведь она была разрушена до основания, – и в душе уже готовился к выполнению этой задачи. Но тут он в первый раз осознал, что ему стукнуло одиннадцать и что силы у него уже не те.

Но реющий на флагштоке зеленый флаг, залпы – в тот день дали семь залпов, – а также речь Наполеона, в которой он благодарил животных за проявленное в бою мужество, заставили их поверить, что они и впрямь одержали великую победу. Животных, павших в бою, погребли с почестями. Переделанные из телеги дроги везли Боец и Кашка, а во главе похоронной процессии шел лично сам Наполеон. Два дня никто не работал, все праздновали. Песни чередовались с речами и залпами, все получили подарки: животные по яблоку, птицы по шестьдесят граммов зерна, псы по три галеты. Было объявлено, что бой получит название Бой под ветряной мельницей и что Наполеон учредил новый знак – «Орден зеленого знамени» и наградил им себя. В общем ликовании незадача с фальшивыми купюрами забылась.

А несколько дней спустя свиньи наткнулись в хозяйском погребе на ящик виски. Они не заметили его, когда переселялись. В тот же вечер из хозяйского дома донеслось громкое пение, в котором животные, к своему изумлению, различали обрывки «Тварей Англии». А примерно в половине десятого, еще засветло, Наполеон в старом котелке мистера Джонса вышел с черного хода, галопом обскакал двор и снова скрылся в доме. Но поутру хозяйский дом окутала тишина. Свиней не было ни видно, ни слышно. Наконец около девяти показался Стукач. Поникший, с мутными глазами, с повисшим хвостом, он еле волочил ноги – судя по его виду, он серьезно захворал.

Стукач созвал животных и сказал, что должен сообщить им ужасное известие. Товарищ Наполеон при смерти!

Вне себя от горя животные заголосили. У входа в хозяйский дом настелили солому, ходили исключительно на цыпочках. Со слезами на глазах животные спрашивали друг друга, что с ними будет, если вождя не станет. Пошел слух, будто Обвал все-таки ухитрился подсыпать в еду Наполеону яд. В одиннадцать часов Стукач вышел и сделал новое сообщение. Товарищ Наполеон издал официальный указ, запрещающий под страхом смертной казни пить спиртное, – такова его последняя воля.

Однако к вечеру Наполеону стало несколько лучше, и уже на следующее утро Стукач сообщил, что здоровье вождя не внушает опасений. К вечеру Наполеон сел за работу, а на следующий день выяснилось, что он поручил Сопли купить в Уиллингдоне пособия по пивоваренному и винокуренному делу. А неделю спустя Наполеон приказал вспахать загончик за садом, который прежде намеревались отвести под пастбище для ушедшей на пенсию скотины. Животным объяснили, что загон вытопан и нужен пересев; но вскоре обнаружилось, что Наполеон собирается посеять там ячмень.

Примерно в это время произошел загадочный случай, который озадачил чуть ли не всех. Однажды вечером около полуночи раздался грохот – животные, побросав стойла, выскочили во двор. При ярком свете луны они увидели у торца большого амбара, там, где были начертаны семь заповедей, сломанную пополам лестницу. Около нее растянулся потерявший сознание Стукач, рядом с ним валялись фонарь и перевернутая банка с белой краской. Псы мигом обступили Стукача и, едва он поднялся на ноги, отвели в хозяйский дом. Никто даже отдаленно не мог объяснить, что бы это значило, кроме старого Вениамина, – тот с премудрым видом мотал головой, но помалкивал.

А несколько дней спустя Мона, перечитав про себя семь заповедей, заметила, что они, оказывается, еще одну заповедь запомнили неправильно. Они думали, что пятая заповедь гласит: «Животное да не пьет спиртного», но там, оказывается, были еще два слова, а их-то они и запомнили. На самом деле заповедь читалась так: «Животное да не пьет спиртного до бесчувствия».

Глава IX

У Бойца все не заживало поврежденное копыто. Меж тем, только отпраздновав победу, тут же приступили к восстановлению ветряной мельницы. Боец не давал себе передышки, он считал делом чести не показывать, как ему плохо. И все же по вечерам он жаловался Кашке, что копыто беспокоит его. Кашка пользовала его припарками, траву для которых жевала сама, и они на пару с Вениамином умоляли Бойца поберечь себя.

– Лошадиные легкие слабые, – говорили они.

Но Боец их не слушал. Теперь, сказал Боец, он хочет лишь одного – увидеть ветряную мельницу практически законченной, прежде чем уйдет на покой.

Сразу после восстания, когда создавались законы, для лошадей установили пенсионный возраст двенадцать лет, для коров – четырнадцать, для собак – девять, для овец – семь, для кур и гусей – пять. На пенсионное содержание решили не скупиться. Пока еще никто на покой не ушел, но в последнее время пенсии обсуждались все чаще и чаще. Теперь, когда загончик за садом отвели под ячмень, ходили слухи, что престарелым животным отгородят часть длинного выгона, где они будут пастись в свое удовольствие. Говорили, что лошадям положат пенсию два килограмма зерна в день летом и семь килограммов сена зимой, ну а по праздникам добавят еще и морковку, а то и яблоко. Бойцу должно было исполниться в следующем году двенадцать лет.

Жилось им меж тем трудно. Зима выдалась такая же холодная, как и в прошлом году, а нехватка кормов ощущалась еще острее. Всем, кроме свиней и псов, опять урезали пайки. Уравниловка при распределении кормов, объяснил Стукач, противоречила бы духу скотизма. Как бы там ни было, Стукач без особого труда доказал животным, что нехватка кормов лишь плод их воображения, на самом же деле кормят их до отвала. Он не отрицает, что из-за временных трудностей возникла необходимость пересмотреть пайки (Стукач никогда не говорил «урезать», только «пересмотреть»), но при Джонсе им жилось куда хуже. Скороговоркой зачитывая цифры срывающимся

на визг голосом, Стукач обстоятельно доказывал, что они получают больше овса, больше сена, больше репы, чем при Джонсе, а работа у них легче, вода лучше качеством, жизнь дольше, детская смертность меньше, соломенные подстилки мягче, блохи их донимают реже. Животные верили каждому его слову. По правде говоря, о Джонсе и всем с ним связанном у них сохранились лишь самые смутные воспоминания. Они знали, что жизнь ведут нищую и суровую, часто недоедают и мерзнут и, когда не спят, всегда работают. Но прежде им, наверное, жилось еще хуже. Они охотно этому верили. Кроме того, тогда они были рабами, теперь они свободны, а это самое главное, не упускал случая напомнить им Стукач.

Едоков на ферме прибыло. Осенью четыре свиноматки разом опоросились и принесли тридцать одного поросенка. Поросята народились пестрые, и так как, кроме Наполеона, хряков на ферме не было, догадаться, кто их отец, не составило труда. Было объявлено, что вскоре купят кирпич и лес и в саду построят школу. А пока Наполеон лично обучал поросят на кухне хозяйского дома. На прогулку поросят выводили в сад и строго запретили им якшаться с прочей мелюзгой. Примерно тогда же положили правилом: любое животное, которое сталкивается на дороге со свиньей, должно посторониться; кроме того, всем свиньям, независимо от ранга, было разрешено повязывать на хвосты по воскресеньям зеленые ленты.

Год был довольно удачный, но денег по-прежнему не хватало. Предстояло покупать кирпич, песок, известь для школы, к тому же надо было копить деньги на оборудование для ветряной мельницы. А там чего только не понадобится: и керосин, и свечи для дома, и сахар к столу Наполеона (остальным свиньям Наполеон запретил есть сахар на том основании, что они от него толстеют), вдобавок у них подходили к концу запасы инструмента, гвоздей, веревок, угля, проволоки, кровельного железа и собачьих галет. Был продан стог сена, часть урожая картошки и заключен договор на поставку уже не четырех, а шести сотен яиц в неделю, и поголовье кур едва не уменьшилось: так мало они высидели цыплят. Пайки, урезанные в декабре, в феврале урезали снова и, чтобы не расходовать керосин, запретили жечь в стойлах фонари. Но свиньи жили припеваючи и даже тучнели. Однажды днем на исходе февраля над двором поплыл теплый, густой, аппетитный запах – такого запаха животные в жизни не нюхивали. Он

шел из заброшенной еще при Джонсе пивоварни за кухней. «Ячмень варится», – догадался кто-то. Животные жадно втягивали воздух и гадали, не попотчуют ли их на ужин теплой дробинкой. Но никакой дробинки им не дали, а в следующее воскресенье было объявлено, что отныне весь ячмень пойдет исключительно свиньям. Загончик за садом уже засеяли ячменем. Вскоре просочилось известие, что свиньи теперь получают по пол-литра пива в день, а сам Наполеон по два литра, и подают ему пиво в супнице из парадного сервиза.

Но хотя трудностей хватало, они отчасти искупались тем, что в жизни животных появилась несвойственная ей доселе возвышенность. Никогда они столько не пели, не слушали речей, не ходили на демонстрации. Наполеон приказал раз в неделю устраивать стихийную, как он ее называл, демонстрацию, отмечать исторические вехи на пути Скотного Двора. В назначенное время животные бросали работу и походным строем, печатая шаг, обходили ферму: возглавляли шествие свиньи, за ними шли лошади, коровы, овцы, замыкали шествие куры и утки. Собаки располагались по флангам, а впереди выступал Наполеонов черненький петух. Боец и Кашка на пару несли зеленое знамя с изображением рога и копыта и девизом «Да здравствует товарищ Наполеон!». Завершалось шествие чтением посвященных Наполеону стихов и речью Стукача, в которой тот подробно докладывал, как увеличилось за последнее время производство кормов, а в торжественных случаях давался залп из пушки. Особенно полюбили стихийные демонстрации овцы, и если кто жаловался (а такое порой случалось, когда свиней и псов не было поблизости), что на демонстрациях они только попусту тратят время и мерзнут, овцы тут же заводили свое «Четыре ноги хорошо, две – плохо», причем блеяли так громко, что заглушали всякий ропот. Но в общем-то животные радовались торжествам. Они напоминали им, что как бы там ни было, а над ними нет хозяев и работают они на себя, а это их утешало. Словом, песни, шествия, бесконечные списки цифр, зачитываемые Стукачом, грохот залпов, кукареканье петушка, полощущийся на ветру флаг помогали им забыть, хотя бы ненадолго, что в животах у них пусто.

В апреле Скотный Двор был провозглашен республикой, а раз так, полагалось выбрать президента. Кандидат на пост президента был всего один – Наполеон, и его избрали единогласно. В этот же день

поступило сообщение, что обнаружались новые документы, в которых содержатся еще неизвестные факты о сотрудничестве Обвала с Джонсом. Обвал, оказывается, не только хотел обречь их на поражение в Бою под коровником при помощи хитроумного маневра, как считалось раньше, но открыто сражался на стороне Джонса. На самом деле возглавил людей не кто иной, как Обвал, это он бросился в бой с криком: «Да здравствует человечество!» А раны на его спине – среди животных оставались и такие, хоть их было немного, кто еще помнил, что видел эти раны собственными глазами, – не что иное, как следы зубов Наполеона.

В разгар лета на ферму после долгого отсутствия неожиданно возвратился ворон Моисей. Он ничуть не изменился, по-прежнему бездельничал и рассказывал те же байки о крае, где текут молочные реки с кисельными берегами. Он вспархивал на пень, хлопал черными крыльями и говорил часами, было бы кому слушать.

– Вон там, товарищи, – вещал он, уставив в небо длинный клюв, – там вон, за той черной тучей, текут молочные реки с кисельными берегами, там тот счастливый край, где нас, бедных животных, ждет вечное отдохновение от трудов.

Более того, он даже утверждал, будто как-то раз взлетел повыше и сам побывал в том краю, видел вечнозеленые клеверища и изгороди, на которых растут льняной жмых и кусковой сахар. Многие животные верили ему. Живут они впроголодь, рассуждали они, работают от зари до темна, а раз так, должен же где-то существовать лучший мир – это было бы только справедливо. А вот чего они никак не понимали – это отношения свиней к Моисею. Те отмахивались от его рассказов о молочных реках с кисельными берегами, называли их небылицами, но, хотя Моисей бездельничал, со Скотного Двора его не гнали и положили ему в день по стакашку пива.

Копыто у Бойца наконец поджило, и он стал работать еще упорнее. Да и все животные работали как каторжные. Мало того что им приходилось вести хозяйство и восстанавливать ветряную мельницу, вдобавок к этому надо было строить и школу для поросят, которую заложили в марте. Порой работать подолгу на пустой желудок было не вмоготу, но Боец не делал себе поблажек. Если послушать его да посмотреть, как он ворочает, никто не сказал бы, что силы у него уже не те. А вот с виду он сдал – шкура у него не так лоснилась,

крутые бока, похоже, спали. Все говорили: «Вот выйдет трава, и Боец еще поправится», но весна пришла, а Боец как был, так и остался тощим. Порой, когда он с громадным напряжением тащил камень из карьера вверх по откосу, казалось, одна сила воли держит его на ногах. Лишь по губам – голос у него пропал – можно было прочесть, что он твердит: «Я буду работать еще упорнее». Кашка и Вениамин снова и снова упрасивали его пощадить себя, но Боец пропускал их слова мимо ушей. Близился его двенадцатый день рождения. Его заботило одно: запастись бы побольше камня перед выходом на пенсию, а там будь что будет.

Однажды летом уже поздним вечером по ферме пронесся слух, что с Бойцом случилась беда. Он, как всегда, пошел таскать в одиночку камни на ветряную мельницу. И точно: слух оправдался. Минуту-другую спустя принеслись двое голубей.

– Боец упал! Завалился на бок и не может подняться, – сообщили они.

Чуть не все животные кинулись к взгорку. У ветряной мельницы, зажатый оглоблями, вытянув шею, лежал Боец. При их виде он даже не поднял головы. Глаза у него остекленели, бока были белые от мыла. Из рта тонкой струйкой сочилась кровь. Кашка опустилась около него на колени.

– Боец, – позвала она его. – Что с тобой?

– Легкие отказали, – сказал Боец пресекающимся голосом. – Но не беда, я надеюсь, вы закончите мельницу и без меня. Камня запасено достаточно. Все равно мне один месяц до пенсии. По правде говоря, я очень ждал пенсии. А вдруг и Вениамина – он ведь тоже успел состариться – отпустят на покой: вместе нам было бы веселее.

– Нам понадобится помощь, – сказала Кашка, – пусть кто-нибудь сбегает расскажет Стукачу, какая у нас беда.

Животные со всех ног бросились к хозяйскому дому оповестить Стукача. При Бойце остались только Кашка и Вениамин. Он лег рядом с Бойцом и молча отгонял от него мух длинным хвостом. Спустя четверть часа появился Стукач – воплощенные сочувствие и заботливость. Он сказал, что товарищ Наполеон с чувством глубокой скорби узнал о несчастье, постигшем одного из самых верных тружеников Скотного Двора. Сейчас он договаривается отправить Бойца на лечение в уиллингдонскую больницу. Животными овладело

смутное беспокойство: до сих пор никто из них, кроме Молли и Обвала, не покидал Скотного Двора, и им не хотелось, чтобы их больной товарищ попал в руки к людям. Тем не менее Стукач в два счета убедил их, что лучше лечиться у ветеринарного врача в Уиллингдоне, чем домашними средствами на ферме. И полчаса спустя, когда Бойцу полегчало, его с большим трудом подняли на ноги, и он доковылял до своего денника, куда Кашка и Вениамин загодя натащили побольше соломы.

Два дня Боец не выходил из денника. Свиньи послали ему большую бутылку розового снадобья, которую извлекли из аптечки в ванной, и Кашка поила им Бойца два раза в день после еды. Вечерами она укладывалась рядом в деннике и вела с ним беседы, а Вениамин отгонял хвостом мух. Он ничуть не жалеет, уверял Боец, что так получилось. Если его хорошо подлечат, он вполне может прожить еще три года, а ему бы очень хотелось попастьись в свое удовольствие на огороженном от длинного выгона пастбище. Наконец-то он сможет учиться, повышать свой культурный уровень – ведь раньше у него на это не было времени. Остаток жизни, сказал Боец, он посвятит изучению остальных двадцати девяти букв алфавита.

Вениамин и Кашка могли дежурить около Бойца только после работы, а фургон приехал за ним среди дня. Животные были в поле, пропалывали репу под надзором свиньи; когда они увидели, что к ним со всех ног, истошно крича, несется Вениамин, удивлению их не было предела. Никогда прежде им не доводилось видеть его в таком возбуждении, кстати, чтобы он мчался, тоже никому не доводилось видеть.

– Быстрее, быстрее! – надрывался он. – Идите сюда! Они увозят Бойца!

Даже не отпросившись у свиньи, животные бросили прополку и побежали к Скотному Двору. И точно, во дворе стоял закрытый фургон, запряженный двумя лошадьми, с надписью крупными буквами на боковой стенке; на козлах фургона восседал продувного вида малый в котелке. Бойца в деннике не было.

Животные обступили фургон.

– До свидания, Боец! – хором кричали они. – До свидания!

– Дурачье, дурачье! – надрывался Вениамин, он метался вокруг них, топоча копытцами. – Дурачье! Разве вы не видите, что написано

на фургоне?

Животные пришли в замешательство, наступила тишина. Мона принялась разбирать по складам надпись. Вениамин оттолкнул ее и при гробовом молчании прочел:

– «Альфред Симмондс, забойщик и клеевар, Уиллингдон. Торгуем шкурами, костью. Снабжаем псарни». Разве вы не поняли, что это значит? Бойца отправляют на живодерню!

Вне себя от ужаса животные заголосили. Но малый на козлах огрел лошадей кнутом, они резво зарысили, и фургон выехал со двора. Животные, плача навзрыд, гурьбой побежали за фургоном. Кашка пробилась вперед. Фургон уже набирал скорость. Кашка попыталась было поскакать во весь опор, но куда там, она так отяжелела, что и трусила-то с трудом.

– Боец! – кричала она. – Боец! Боец! Боец!

Кто знает, донеслись ли до Бойца их крики, только в заднем окошке фургона показалась его пересеченная белой отметиной морда.

– Боец! – кричала Кашка не своим голосом. – Боец! Беги! Беги скорей! Тебя везут на смерть!

Животные дружно подхватили:

– Беги, Боец, беги!

Но лошади набирали скорость, все дальше увозя от них фургон. Неизвестно, понял ли Боец, о чем его предупреждала Кашка, но окошко чуть не сразу опустело, а из фургона донесся барабанный бой копыт. Это Боец пытался проломить стенку фургона. Было время, когда Бойцу ничего не стоило разнести фургон в щепки, но, увы, силы его были подорваны – барабанный бой копыт все слабел и слабел, а вскоре и вовсе стих. В отчаянии животные воззвали к лошадям, умоляя их остановиться.

– Товарищи! Товарищи! – кричали они. – Подумайте, кого вы везете на смерть – своего брата!

Но безмозглые твари, по темноте своей не понимая, о чем идет речь, только прижали уши и припустили еще пуще. Боец больше не показывался в окошке. Что бы им забежать вперед и закрыть тесовые ворота, но они поздно спохватились – и вот фургон уже миновал ворота и вскоре скрылся вдали. Больше они Бойца никогда не видели.

А три дня спустя было объявлено, что Боец умер в Уиллингдонской больнице, хотя для него сделали все, что только

можно сделать для лошади. Весть о кончине Бойца принес животным Стукач. Он присутствовал, сказал Стукач, при кончине Бойца.

– Более трогательной кончины я не видел, – сказал Стукач и смахнул слезу ножкой. – Я принял его последний вздох. Перед смертью Боец совсем ослаб, он не мог говорить и прошептал мне на ухо, что мечтал лишь об одном – завершить строительство ветряной мельницы, а там умереть, да вот не вышло. «Вперед, товарищи! – прошептал он. – Вперед, во имя нашего восстания! Да здравствует Скотный Двор! Да здравствует товарищ Наполеон! Наполеон всегда прав!» – таковы были его предсмертные слова.

Тут повадка Стукача резко изменилась. Он умолк, долго озираясь по сторонам и только потом продолжил свою речь.

Как ему стало известно, сказал Стукач, когда Бойца увозили, по ферме распространился глупый и зловерный слух. Кое-кто из них, очевидно, заметил на закрытом фургоне, приехавшем за Бойцом, надпись «забойщик» и сделал из этого вывод, будто Бойца отправили на живодерню. Просто не верится, сказал Стукач, чтобы животные опустились до такой глупости. Не может быть, негодовал Стукач, вертя хвостиком и приплясывая, не может быть, чтобы они подумали такое о своем любимом вожде товарище Наполеоне! Все объясняется как нельзя проще. Ветеринар купил фургон у живодера, а замазать имя прежнего владельца не успел. Вот откуда пошла ошибка.

У животных сразу отлегло от души. А когда Стукач с красочными подробностями описал им последние минуты Бойца и рассказал, каким уходом его окружили, какими дорогими лекарствами пользовали, причем Наполеон, ни минуты не колеблясь, выложил за них деньги – последние их сомнения рассеялись, а скорбь смягчилась: по крайней мере кончина их товарища была счастливой.

В следующее воскресенье Наполеон лично пришел на собрание и произнес короткое надгробное слово Бойцу.

Пусть нам не удалось, сказал Наполеон, перевезти останки нашего усопшего товарища и предать их земле, но он велел сплести большой венок – на него пустят ветки с лавровых кустов, растущих у нас в саду, – и послать венок в Уиллингдон, чтобы его возложили на могилу Бойца. А через несколько дней свиньи непременно устроят поминки по Бойцу.

В заключение своей речи Наполеон напомнил животным любимые девизы Бойца: «Я буду работать еще упорнее!» и «Товарищ Наполеон всегда прав». Девизы эти, сказал он, не мешало бы взять на вооружение каждому животному.

В день поминок к хозяйскому дому подъехал бакалейный фургон из Уиллингдона – он доставил большой ящик с бутылками. Вечером из дома слышалось разудалое пение, за ним шумная перебранка, а в одиннадцать часов раздался оглушительный грохот бьющегося стекла, и на том поминки закончились. До следующего полудня хозяйский дом затих, и по ферме прошел слух, что свиньи раздобыли где-то деньги и купили себе еще ящик виски.

Глава X

Шли годы. Одна пора сменялась другой, а у скотины век короткий, и пролетает он быстро. И вот наступило время, когда, кроме Кашки, Вениамина, ворона Моисея и кое-кого из свиней, никто не помнил, как они жили до восстания.

Мона умерла, Ромашка, Роза и Кусай тоже умерли. Умер Джонс – он скончался вдали от здешних мест в приюте для алкоголиков. Никто не помнил Обвала, да и Бойца помнили лишь те, кто знал его, а таких было раз, два и обчелся. Кашка превратилась в дебелую кобылу преклонных лет, ноги у нее не гнулись, глаза слезились. Ей еще два года назад полагалась пенсия, но, по правде говоря, никто из животных на покой пока не ушел. Разговоры о том, что от выгона отгородят уголок под пастбище для престарелых, давным-давно заглохли. Наполеон заматерел, он теперь весил пудов десять с гаком. Стукач до того разжирел, что с трудом открывал глаза. Только старенький Вениамин каким был, таким и остался, разве что шерсть на морде у него поседела да после смерти Бойца он стал еще более замкнутым и несловоохотливым.

Поголовье на Скотном Дворе увеличилось, хотя и не так сильно, как ожидали в первые годы после восстания. За это время народилось много новых животных – для них восстание было лишь туманной легендой, передаваемой изустно; немало животных купили – а они до своего появления на Скотном Дворе и вовсе не слыхали о восстании. Теперь на ферме имелись еще три лошади, кроме Кашки. Отличные, крепкие кобылы, работяги, хорошие товарки, но уж очень глупые. Ни одна из них дальше буквы Б не продвинулась. Они принимали на веру все, что им рассказывали о восстании и положениях скотизма другие, и тем более Кашка, которую почитали как мать, но, похоже, толком не понимали.

Хозяйство наладилось, порядка стало больше, к Скотному Двору прирезали еще два поля – их купили у мистера Калмингтона. Строительство ветряной мельницы удалось наконец закончить, и теперь у них были и молотилка, и стогометатель; пристроили много новых служб. Сопли купил себе дрожки. Но генератор на ветряной

мельнице так и не установили. На ней мололи зерно, а это приносило немалые деньги. Теперь животные, не щадя сил, строили другую мельницу; когда ее закончат, говорили они, на ней установят генератор. Но о тех роскошествах, которые некогда сулил им Обвал: стойлах с электрическим светом, горячей и холодной водой, сокращении рабочей недели, – ни о чем подобном теперь уже и речи не было. Наполеон заклеил подобные излишества, сказал, что они противоречат духу скотизма. Работать не щадя сил и жить скромно – вот в чем истинное счастье, говорил Наполеон.

Хотя Скотный Двор богател, создавалось такое впечатление, что животные не становились богаче, за исключением, конечно, псов и свиней. Отчасти это, наверное, объяснялось тем, что уж очень много и тех и других развелось на ферме. И не скажешь, чтобы они не работали, на свой, конечно, лад. Руководство работой и ее организация требуют огромной затраты труда, втолковывал животным Стукач. Работа эта по преимуществу была такого рода, что никто, кроме свиней, по темноте своей не понимал ее значения. Например, Стукач объяснил животным, что свиньи ежедневно кладут много сил на составление малопонятных штуквин, которые называются «данные», «отчеты», «протоколы» и «докладные». Это были большие листы бумаги. Они убористо исписывались, после чего отправлялись в топку. На них, утверждал Стукач, зиждется благополучие Скотного Двора. Однако ни свиньи, ни псы своим трудом прокормить себя не могли, а вон их сколько развелось, да и на аппетит они не жаловались.

Что же до остальных животных, их жизнь, насколько они понимали, какой была, такой и осталась. Они вечно недоедали, спали на соломе, ходили на водопой к пруду, работали в поле, зимой страдали от холода, летом – от мух. Порой те, кто постарше, рылись в слабеющей памяти, пытаясь вспомнить, лучше или хуже им жилось сразу после восстания, когда они только что прогнали Джонса. И не могли вспомнить. Им не с чем было сравнивать сегодняшнюю жизнь, не по чему судить, кроме столбцов цифр, которые зачитывал Стукач, а они неизменно доказывали: жить стало лучше. Животные убедились, что им не докопаться до сути, к тому же у них не хватало времени на размышления. Только старенький Вениамин настаивал, что помнит всю свою долгую жизнь до мельчайших деталей и знает: им никогда не

жилося ни лучше, ни хуже – голод, непосильный труд и обманутые ожидания, таков, говорил он, нерушимый закон жизни.

И все же животные не оставляли надежды. Более того, они ни на минуту не забывали, что им выпала честь быть гражданами Скотного Двора. Ведь другой такой фермы, которая и принадлежит животным, и управляется ими, нет во всей стране, и в какой стране – в Англии! Все без исключения животные, даже самые молодые, даже новички, привезенные с ферм за пятнадцать, за двадцать километров, не могли этому надивиться. И когда раздавался ружейный залп, а на флагштоке реял зеленый флаг, сердца их преисполняла непреходящая гордость, и, о чем бы ни шла речь, они сворачивали на те героические времена, когда прогнали Джонса, создали семь заповедей и в боях отстояли ферму от человеческих захватчиков. Прежние чаяния не были забыты. Они все еще верили, что пророчество Главаря исполнится: Англия станет Скотной Республикой, и по ее полям не будет ступать нога человека. Настанет день, и их чаяния сбудутся; возможно, ждать этого придется долго, возможно, никто из них не доживет до этого, но их чаяния сбудутся. Да и «Твари Англии», правда тайком, напевали то там, то сям, во всяком случае, все без исключения животные на ферме знали эту песню, хоть и не осмеливались петь ее вслух. И пусть их жизнь тяжела, и пусть не все их чаяния осуществились, зато они не чета животным других ферм. Пусть они голодают, но не потому, что кормят угнетателей-людей, и пусть их труд тяжел, но они работают на себя. Никто из них не ходит на двух ногах, никто не зовет другого «хозяин». Все животные равны.

Как-то в начале лета Стукач приказал овцам следовать за ним и увел их на поросший молодыми березами пустырь по другую сторону Скотного Двора. Овцы целый день паслись там, щипали листья под надзором Стукача. Вечером Стукач возвратился на ферму один, а овцам велел ночевать на пустыре, благо стояла теплая погода. Они пробыли там целую неделю, и за это время никто из животных их не видел. Стукач проводил с овцами все дни напролет. По его словам, он хотел в спокойной обстановке разучить с ними новую песню.

И вот в один погожий вечерок, когда овцы только-только возвратились, а животные, окончив работу, тянулись на ферму, со двора донеслось испуганное ржание. Животные остановились как вкопанные. Ржала Кашка. Но вот она заржала снова, и тут уж

животные припустили и ворвались во двор. Им открылась та же картина, что и Кашке.

Свинья шла на задних ногах.

Да, это был Стукач. Чуть неуклюже – оно и понятно, легко ли с непривычки держать такую тушу стоймя, – но, не клонясь ни вправо, ни влево, он разгуливал по двору. А немного погодя из двери хозяйского дома вереницей вышли свиньи – все до одной на задних ногах. Кто лучше, кто хуже, две-три шли не очень уверенно и, похоже, были бы не прочь подпереться палкой, но тем не менее все успешно обогнули двор. Напоследок оглушительно залаяли псы, пронзительно закукарекал черный петушок, и из дома вышел сам Наполеон – прямой, величавый, он надменно поглядывал по сторонам, а вокруг него бесновалась псинная свита.

Он держал кнут.

Воцарилось гробовое молчание. Изумленные, потрясенные животные, сбившись в кучу, наблюдали, как длинная вереница свиней прогуливается по двору. Им казалось, мир перевернулся вверх тормашками. Но вот первое потрясение прошло, и тут – несмотря ни на что, ни на боязнь псов, ни на выработавшуюся за долгие годы привычку, что бы ни случилось, не роптать, не критиковать – они бы возмутились. И в то же самое время, точно по команде, овцы оглушительно грянули:

– Четыре ноги хорошо, две – лучше! Четыре ноги хорошо, две – лучше!

И блеяли целых пять минут без перерыва. А когда овцы утомонились, свиньи вернулись в дом, и возмущаться уже не имело смысла.

Кто-то ткнулся Вениамину носом в плечо. Он обернулся. Позади стояла Кашка. Глаза ее смотрели еще более подслеповато, чем обычно. Ничего не говоря, она тихонько потянула Вениамина за гриву и повела к торцу большого амбара, где были начертаны семь заповедей. Минуту-другую они смотрели на белые буквы, четко выступавшие на осмоленной стене.

– Я стала совсем плохо видеть, – сказала наконец Кашка. – А я не могла разобрать, что здесь написано, и когда была помоложе. Только, сдается мне, стена стала другая. Вениамин, ну а семь заповедей, они-то те же, что прежде?

И тут Вениамин впервые изменил своим правилам и прочел Кашке, что написано на стене. Там осталась всего-навсего одна-единственная заповедь. Она гласила:

Все животные равны.

Но некоторые животные более равны, чем другие.

После этого они ничуть не удивились, когда на следующий день свиньи-надсмотрщики вышли на работу с кнутами. Не удивились они и узнав, что свиньи купили себе приемник, ведут переговоры об установке телефона и подписались на «Джона Буля», «Тит-Бит» и «Дейли миррор». Не удивились они и когда Наполеон стал прогуливаться по саду, попыхивая трубкой. И даже когда свиньи вынули из шкафов одежду мистера Джонса и обрядились в нее – они и то не удивились. Для себя Наполеон выбрал черный пиджак, галифе и кожаные краги, а для своей любимой свиноматки нарядное муаровое платье миссис Джонс.

А спустя неделю к Скотному Двору стали подкатывать дрожки. Депутация соседних фермеров прибыла осмотреть Скотный Двор. Приглашенных провели по ферме, где буквально все вызвало их восхищение, особенно ветряная мельница. Животные пололи в поле репу. Работали усердно, уткнув носы в землю: они и сами не знали, кого больше боятся – свиней или людей.

Вечером из хозяйского дома доносились раскаты смеха, пение. В слитном гуле нельзя было различить голосов, и животных разобрато любопытство. Что же там такое происходит: ведь животные и люди в первый раз встречаются на равных. И они все, как один, по-пластунски поползли к хозяйскому дому.

В воротах они было помедлили, заколебались, но Кашка увлекла их за собой. На цыпочках подкрались они к дому, и те из них, у кого хватило роста, заглянули в окно столовой. Вокруг длинного стола расположились шесть фермеров и столько же наиболее высокопоставленных свиней. Сам Наполеон восседал на почетном месте во главе стола. Свиньи, судя по всему, вполне освоились со стульями. Компания, похоже, с азартом резалась в карты, но сейчас, очевидно, прервала игру ради тоста. По столу ходил большой кувшин,

кружки вновь наполняли пивом. Животных, с любопытством заглядывающих в окно, никто не заметил.

Мистер Калмингтон из Плутней встал с кружкой в руке. Вскоре, сказал мистер Калмингтон, он предложит присутствующим тост. Но прежде он почитает своим долгом сказать несколько слов.

Нельзя передать, сказал он, какое удовлетворение чувствует он, и, уверен, не только он, но и все присутствующие от того, что долгим годам взаимного недоверия и непонимания пришел конец. Было такое время – хотя ни он, ни, конечно же, никто из присутствующих этих чувств не разделяли, – но тем не менее было время, когда люди с соседних ферм относились к почтенным владельцам Скотного Двора не сказать с враждебностью, но с некоторой опаской. Случались досадные стычки, бытовали ошибочные представления. Считалось, что ферма, которая принадлежит свиньям и управляется ими, явление не вполне нормальное, не говоря уж о том, что такая ферма, несомненно, может оказать разлагающее влияние на соседние фермы. Многие, даже слишком многие фермеры, не потрудившись навести справки, решили, что на такой ферме царят распушенность и расхлябанность. Их беспокоило, как подействует не только на их животных, но и на их работников само наличие такой фермы. Однако сейчас все сомнения развеялись. Сегодня он вместе с друзьями посетил Скотный Двор и внимательнейшим образом осмотрел его, и что же они обнаружили? Не только самые современные методы ведения хозяйства, но и порядок, и четкость, которые мог бы взять за образец любой фермер. Он надеется не погрешить против истины, если скажет, что на Скотном Дворе низшие животные работают больше, а кормов получают меньше, чем на любой другой ферме. Словом, и ему, и его друзьям довелось увидеть сегодня много такого, что они безотлагательно введут на своих фермах.

В заключение, сказал мистер Калмингтон, ему еще раз хочется отметить то чувство дружбы, которое сохранялось все эти годы и, он надеется, сохранится и впредь между Скотным Двором и его соседями. Интересы свиней и людей никоим образом не противоречат и не должны противоречить друг другу. У них одни и те же цели, одни и те же трудности. Разве проблема рабочей силы не везде одинакова?

В этом месте мистер Калмингтон явно собрался попотчевать слушателей заранее заготовленной остротой, но его так разбирал смех,

что он не мог выговорить ни слова. Он давился, его многоэтажные подбородки наливались кровью, но в конце концов все же справился с собой.

– Вам приходится держать в узде низших животных, – сказал он, – а нам низшие классы!

Стол ответил на его «*bon mot*» {Остроумие, шутка (*фр.*).} взрывом хохота, а мистер Калмингтон вновь поздравил свиней с заведенными на Скотном Дворе порядками: скудными пайками, долгим рабочим днем и полным отсутствием каких-либо послаблений.

А теперь, заключил мистер Калмингтон, он попросит присутствующих встать и проверить, не забыли ли они наполнить свои бокалы.

– Господа! – закончил свою речь мистер Калмингтон. – Господа, я хочу предложить тост за процветание Скотного Двора!

Дружные аплодисменты, топот. Наполеону речь до того понравилась, что, прежде чем осушить кружку, он подошел чокнуться с мистером Калмингтоном. Когда аплодисменты стихли, Наполеон – а он так и не сел – объявил, что скажет несколько слов.

Как всегда, Наполеон говорил кратко и по существу. Он тоже, сказал Наполеон, счастлив, что их непониманию пришел конец. Долгое время ходили слухи – их, как есть все основания полагать, распространяли наши недруги, – что он и его помощники исповедуют подрывные и чуть ли не революционные взгляды. Им приписывали, будто они призывают животных соседних ферм к восстанию. Клевета от начала и до конца! Единственное, чего они хотели бы и сейчас, и в прошлом, так это мира и нормальных деловых отношений со своими соседями. Ферма, которую он имеет честь возглавлять, добавил Наполеон, предприятие кооперативное. И купчие на Скотный Двор, хранящиеся у него, – коллективная собственность свиней.

Он верит, сказал Наполеон, что прежние подозрения рассеялись, и все же кое-какие порядки на ферме изменены с целью еще больше укрепить возникшее доверие. До сих пор у животных на ферме имелся нелепый обычай называть друг друга «товарищ». Он подлежит отмене. Имелся и другой дикий обычай, истоки которого неясны, – проходить каждое утро церемониальным маршем в саду мимо прибитого к столбу черепа старого хряка. И этот обычай, в свою очередь, подлежит отмене, а череп уже предан земле. Наши гости успели, очевидно,

заметить и реющий на флагштоке зеленый флаг. Если так, то им, вероятно, уже бросилось в глаза, что прежде на нем были изображены белой краской рог и копыто – теперь их нет. Отныне и навсегда флаг будет представлять собой гладко-зеленое полотнище.

У него есть только одна поправка, сказал Наполеон, к превосходной добрососедской речи мистера Калмингтона. Мистер Калмингтон на протяжении своей речи называл ферму Скотным Двором. Мистер Калмингтон, разумеется, не мог знать, поскольку Наполеон сегодня впервые объявляет об этом, что название Скотный Двор упразднено. Впредь их ферма будет называться Господский Двор, как, по его мнению, и подобает ее называть, раз так она называлась искони.

– Господа, – заключил свою речь Наполеон, – предлагаю вам тот же тост, лишь слегка видоизменив его. Наполните бокалы до краев. Господа, вот мой тост: выпьем за процветание Господского Двора.

Бурные аплодисменты, кружки осушили до дна. Однако животным, смотревшим в окно, казалось, что на их глазах происходит нечто странное. Отчего стали так не похожи на себя свиные хари? Глаза Кашки подслеповато перебегали с одной хари на другую. У кого пять подбородков, у кого четыре, а у кого всего три. Отчего же хари так расплывались, менялись? Потом, когда аплодисменты смолкли, компания взялась за карты, продолжила прерванную игру, а животные молча уползли восвояси.

Но уже через двадцать метров они остановились как вкопанные. Из хозяйского дома донесся шум голосов. Они кинулись назад, снова заглянули в окно. Так и есть – в столовой кричали, стучали по столу, испепеляли друг друга взглядами, яростно переругивались. Судя по всему, ссора разгорелась из-за того, что Наполеон и мистер Калмингтон одновременно пошли с туза пик.

Двенадцать голосов злобно перебранивались, отличить, какой чей, было невозможно. И тут до животных наконец дошло, что же случилось со свинными харями. Они переводили глаза со свиньи на человека, с человека на свинью и снова со свиньи на человека, но угадать, кто из них кто, было невозможно.

Ноябрь 1943 – февраль 1944